

**ГОРБАЧЕВ-ФОНД, «КЛУБ РАИСЫ МАКСИМОВНЫ»,
ИНСТИТУТ «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» (ФОНД СОРОСА),
ОБЩЕСТВО СЕМЕЙНЫХ КОНСУЛЬТАНТОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ
И РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЧЕЛОВЕК И СЕМЬЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ НАСИЛИЯ

Москва, 2000

От редактора

Публичная роль женщины в российском обществе... О том, как она значима, сложна и трагична, Раиса Максимовна знала очень хорошо. И, наверное, не случайно именно общественно-политический клуб, созданный весной 1997 года, оказался последним проектом Раисы Максимовны.

Клуб Раисы Максимовны (таким стало его официальное название) открылся заседанием «Современная Россия: взгляд женщины». Потом было еще несколько встреч...

Нетерпимость к насилию, преодоление насилия в семье, а значит, и в обществе – идея конференции, которая обсуждалась с Раисой Максимовной и которую она горячо поддержала.

Международная конференция «Человек и семья: преодоление насилия» состоялась. Но, к великому сожалению, она оказалась первым мероприятием клуба, в котором не принимал личного участия Раиса Максимовна Горбачева.

В организации конференции приняли участие Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Российский фонд культуры, Общество семейных консультантов и психотерапевтов.

**Редактор – кандидат философских наук – Здравомыслова О.М.
Компьютерный набор и форматирование – Ровнянская О.И.**

**Горбачев-Фонд:
125167 Москва, Ленинградский пр., 39, стр. 14
Тел: (095) 945 6948; факс: (095) 945 78 99
E-mail: public@gorby.ru**

Об авторах

Улла Бьернеберг

профессор социологии Гётеборгского Университета (Швеция)

Алиса Миллер

психоаналитик, ученый (Швейцария)

Инга Фучек

психолог, психотерапевт (Германия)

Катарина Циммер

писательница (Германия)

Варга Анна Яковлевна

семейный психотерапевт, председатель правления общества Семейных консультантов и терапевтов

Вроно Елена Моисеевна

психолог, ведущий научный сотрудник Центра семьи и детства, член правления Общества семейных консультантов и терапевтов

Ениколопов Сергей Николаевич

психолог, заведующий отделом клинической психологии Научного Центра психического здоровья РАМН

Здравомыслова Ольга Михайловна

социолог, руководитель Общественно-политического центра Горбачев-Фонда, вице-президент «Клуба Раисы Максимовны»

Кига́й Наталья Ингридовна

психолог, научный сотрудник США и Канады, член «Клуба Раисы Максимовны»

Сараскина Людмила Ивановна

литературовед, писательница, член «Клуба Раисы Максимовны»

Улицкая Людмила Евгеньевна

писательница

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	2
Об авторах.....	3
<i>Улицкая Л.Е.</i> Насилие и мы	5
<i>Сараскина Л.И.</i> Традиционное воспитание и стратегия выживания в современной России	7
<i>Варга А.Я.</i> Насильники поневоле	14
<i>Здравомыслова О.М.</i> Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания	18
<i>Вроно Е.М.</i> Несчастливый ребенок в счастливой семье	25
<i>Ениколопов С.Н.</i> Особенности психологической адаптации женщин к условиям переходного периода.....	27
<i>Алиса Миллер</i> Политические последствия дурного обращения с детьми	32
<i>Алиса Миллер</i> Открытое письмо всем ответственным политическим деятелям	45
<i>Улла Бьернберг</i> Любовь и обязательства в новом тысячелетии. Разнообразие тенденций. Маркетизация и рационализация повседневной жизни.....	47
<i>Катарина Циммер</i> Чувство: первый шаг на пути к знанию	56
<i>Инга Фучек:</i> Раненная душа: глубинный анализ эмоциональных травм детства	64

Насилие и мы

В мире, который нам достался, есть единицы измерения чего угодно: рубли, калории, биты. Единицы измерения насилия нет. Мы ничего не можем сказать о том, делается ли его в мире больше или меньше. Но со всей определенностью можно сказать, что именно в наше время человечество осознало, а, может, только постепенно начинает осознавать, что сама проблема выживания человечества связана не с истощением ресурсов планеты, и даже не с экологической катастрофой, а именно с тем, успеет ли *Homo sapiens* перестроить свое сознание таким образом, чтобы признать свободу высшим благом, а насилие – глубочайшим позором, болезнью человеческого духа.

Это не наша отечественная болезнь, это всемирное поражение. Однако, кто-то из отечественных философов, кажется, Бердяев, говорил о том, что психологические особенности русских закладываются в раннем детстве в результате тугого пеленания, принятого во всех слоях общества, от крестьянства до аристократии, и привычка к рабскому состоянию складывается именно из-за стеснения физического движения в раннем возрасте... Возможно к этому заключению следует относиться как к метафоре, но, мне кажется, и в буквальном его прочтении тоже есть определенный смысл. Рабское состояние и есть привычка к насилию.

С помощью этой несколько неопределенной цитаты мы с вами оказались в центре нашей темы – семья и насилие. Потому что насилие в семье – важнейшая глава этой темы.

Зимой этого года меня занесло в колонию для малолеток в Курской области. Это такое место, куда общество спускает свои отбросы. Своего рода отстойник для сточных вод. Дно ада, о котором мы сегодня не говорим. Совершившие разного рода преступления, в том числе и насилие, мальчики от 14 до 18 лет, подвергаются в свою очередь насилию – принудительному содержанию в исправительно-трудовой колонии.

В нашей группе, включавшей юристов, психологов и правозащитников, было также несколько священников. Один из них, местный, курский протоиерей, пожилой человек с прекрасным обликом и благими намерениями, произнес перед ребятами речь о родителях, которых они должны любить и почитать. Трогательная эта речь ни в малой степени не произвела на них впечатления. Священник не знал статистики и у него отсутствовало воображение: процентов десять из этих ребят были сироты, большинство из неполных семей, у половины этих детей родители сидели в тюрьмах. Эти дети мало что знали о родительской любви. Конечно, большинство нормальных людей любят своих родителей, но любят ли родители своих детей? Большинство малолетних заключенных переносили с раннего детства побои, разного рода насилие, и, что самое печальное, - со стороны своих родителей...

Полна насилия жизнь этих подростков и в лагере, и в первую очередь, это насилие со стороны сверстников, сокамерников, соотрядников. Выросший в обстановке насилия ребенок проявляет насилие по отношению к слабейшему с особым мстительным наслаждением... Жизненный опыт этой молодежи таков, что они вряд ли смогут быть хорошими родителями собственным детям.

Из числа будущих родителей, способных воспитывать своих детей без применения насилия, нам придется исключить также огромное количество молодых людей, прошедших службу в армии, особенно в наше специфическое мирное время, когда необъявленная война не прекращается уже несколько десятилетий и сотни тысяч молодых мужчин проходят не только через армейскую дедовщину, но и через чудовищный опыт участия в военных действиях, применяемых в отношении к гражданскому населению... Большая часть этих людей испытывают болезненную деформацию личности, как правило, они не получают даже минимальной психологической помощи и не отдают себе отчета в том, что их психическое здоровье не в порядке. Опыт насилия – и в ипостаси жертвы, и в ипостаси преступника – задает такую доминанту поведения, что они не в состоянии выполнять функции нормального семьянина и отца: домашнему насилию они подвергают своих домашних, в первую очередь, детей.

Кроме этого очевидного, социально запрограммированного «мужского насилия», существуют и более тонкие, проникающие в гораздо более глубокие сферы, формы насилия – не традиционное, семейное, идущее по линии родители-дети, а государственное насилие над семьей в целом, над самой сущностью семейного воспитания, - когда государство оказывает давление на семью и деформирует семейные отношения, лишая главу семьи достоинства на глазах детей. Отец мой рассказывал мне, как унижали моего деда пришедшие его арестовывать сотрудники НКВД и какой глубокий след остался в душе пятнадцатилетнего мальчика. Насилие, физическое или моральное, примененное к родителям на глазах детей, нарушает культурную схему родитель-ребенок, учитель-ученик... В обществе, где нет уважения к личности, открывается дополнительная почва для насилия в семье.

Прекрасно помню, как учительница начальной школы кричала на меня в присутствии семилетнего сына за то, что я отказалась приклеить войлок на сменную школьную обувь. Защищая свой родительский авторитет, мне пришлось забрать сына из этой школы и перевести в другую.

Вообще, предпосылкой любого насилия оказывается отсутствие уважения к личности. Здесь корень зла.

Есть еще один аспект, создающий почву для насилия в семье – сложность расторжения брака. Поскольку сам институт семьи переживает в наше время глубокий кризис, даже в католических странах, где развод был вообще запрещен, брак постепенно перестает быть единственной и обязательной формой отношений между мужчиной и женщиной. Христианский идеал брака, принятый в нашей цивилизации, пришел к

внутреннему конфликту. Хотим мы того или не хотим, сексуальная революция изменила сознание поколений, брак утратил свою сакральность, во всех цивилизованных странах существует правовая возможность развода, и эта возможность, я полагаю, во многих случаях позволяет обезопасить слабейших от семейного насилия.

Последнее из соображений, которым мне хотелось бы поделиться, вызовет скорее недоумение у собравшихся. Все мы, собравшиеся здесь люди, противники семейного насилия, очень часто сами оказываемся носителями его по отношению к нашим мужьям, женам и детям. Формула эта известна: я точно знаю, что есть благо, и всеми своими силами навязываю другому благо, которое совершенно не кажется ему благом... Мы совершаем насилие всякий раз, когда пытаемся заставить своего ребенка выпить чашку молока, которого ему не хочется, пойти гулять вместо того, чтобы читать книгу, или, напротив, немедленно сесть за чтение, вместо того, чтобы гулять.... И молоко, и книга, и прогулка – необходимые вещи, но как часто мы сами превращаем необходимое в ненавистное, и ломаем сопротивление врага там, где сами же его и создали...

Борьба с насилием, с привычкой настаивать на своем, должна начинаться внутри каждого человека. В природе человека укоренена властность, агрессия, легко просыпается раздражение, злоба и даже ненависть. В каждом. И справиться с насилием, захлестнувшим мир, невозможно без того, чтобы начинать с этой старомодной, навязшей в зубах идеи самосовершенствования. И в этой связи не могу не вспомнить великого нашего писателя, Льва Николаевича Толстого... Думаю, что именно он был первым в русской литературе, кто сердцем чувствовал всю мерзость насилия во всех его проявлениях.

Сараскина Л.И.

Традиционное воспитание и стратегия выживания в современной России

Тема моего выступления — о соответствии отечественной традиции воспитания ныне существующей формуле социального успеха — продиктована очень простыми соображениями. Те, кто сегодня уже могут стать родителями, начнут растить и воспитывать своих детей, то есть 20—25-летние люди, в массе своей являются носителями традиционного воспитания, обучавшиеся в советской школе и познавшие силу ее основных воспитательных и моральных принципов. Насколько адаптированы эти молодые люди к условиям выживания в современном обществе, что мешает или что помогает им на их пути к социальному успеху и личному благополучию? Сила традиции — виснет ли она камнем на шее или служит трамплином для полной реализации личности?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо честно, трезво и здраво посмотреть на то, что мы называем традицией.

Было бы лицемерием называть сегодня традицией те навыки воспитания и те моральные принципы, которые существовали в дореволюционной семье и школе: тяжелейший насильственный разрыв с традицией старого религиозно-православного воспитания произошел восемьдесят с лишним лет тому, то есть как минимум три поколения назад. И я не буду говорить о той колоссальной травме, которую нанес этот разрыв национальному сознанию и самосознанию народа — об этом в свое время было сказано достаточно.

Скажу о другом: при всех тяжелых уродствах, искажениях, искривлениях новая мораль, ставшая тем, что называется советской ментальностью, в неявном, скрытом виде все же сохраняла основополагающие элементы и многие ценности традиционного старого воспитания.

Главнейшая из них — коллективизм. Не признаваясь в происхождении, советский менталитет впитал и усвоил то главное, что присуще православию — религии, которая, в отличие от католицизма и протестантизма, не настаивает на необходимости личных, индивидуальных достижений. Соборность — это не пустой звук; советская ментальность на свой лад переиначила идею соборности как идею коллективизма: важно не то, что сделал ты сам; важно то, что ты находишься в коллективе и что твой труд поэтому — достижение всего коллектива. В советское время стандартным обвинением было обвинение в индивидуализме; слово «индивидуализм» являлось ругательным; «отрыв от коллектива» даже «во имя личных достижений» считался безусловно отрицательным поступком. Вспомним, что эпитет «деловой», «деловая», возникший в позднесоветское время, имел отрицательный смысл и был синонимом махинатора и афериста.

Советские люди, видимо, и не подозревали, насколько сильно эти черты их ментальности укоренены в традиционной религии, в православии, с которым государство, объявив себя атеистическим, решительно порвало. Ведь классический капиталистический Запад — это порождение протестантизма, где каждый добывается своего спасения сам и сам же отвечает за него перед Богом. В православии верующий спасается через церковь, через церковную общину — и в этом коренное отличие духовного состояния православного христианина от духовного состояния протестанта.

Советское воспитание было эгалитарным; в основе его лежала идея равенства. Реальность могла быть иной и была иной по факту жизни, но личное богатство и привилегии отдельных семей не декларировались, не демонстрировались, а напротив — прятались. Отсутствие реального равенства скрывалось, наличие неравенства не вписывалось в официальную идеологию. Ключевой лозунг эпохи — «забота партии и правительства о благосостоянии трудящихся» — как бы реально он ни выполнялся, был совершенно традиционным по образу мыслей и укоренен в образе жизни:

ты живешь праведно в своей общине и в церкви, а она вместе с государем и по воли Божией заботится о тебе. (Недаром крупнейшие русские предприниматели были старообрядцами; как скоро они находились в ссоре с православием, они были терпимым меньшинством и им необходимо было самоутверждаться).

Такие особенности национального менталитета, во многом инерционные и иррациональные, опирающиеся на официальную идеологию, несомненно имели и положительные черты. Они давали личности устойчивость, социальные гарантии, а обществу — стабильность. Я повторяю, что речь идет о людях массы, о массовом сознании, а не об отдельных сверхмощных личностях, которые выбивались из общей массы и стремились достичь большего. Я напому также, что тезис крайнего неприятия этих национальных особенностей — «никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» — принадлежал не традиции, а ее разрушителям-революционерам и стал их гимном.

Советская идеология была несомненно обмирщенной, секуляризированной, упрощенной, вульгаризированной, но в основе своей не порвавшей с православием. Советская идеология не нуждалась в идее Бога и в институте церкви, но она нуждалась в наличии официальной морали. Мораль трактовалась как нечто изначально присущее человеку, поэтому десять заповедей Христовых легко трансформировались в моральный кодекс строителя коммунизма, а христианский тезис о любви к ближнему («люби ближнего как самого себя») преобразовывался в принцип жизни социализма, который звучал как «человек человеку друг, товарищ и брат», в отличие от принципа «человек человеку волк», который официальная идеология приписывала капиталистическому обществу.

Официальная мораль провозглашала, что человек в своей основе добр, но его портят социальные условия (вспомним пресловутый тезис XIX века «среда заела» и столь же одиозный квартирный вопрос в трактовке XX столетия). Достаточно исправить условия, и доброта человека тут же проявится.

Чего советские родители в массе своей хотели для своих детей? Какие ценности считались высшими и приоритетными? То, что надо быть добрым, честным, трудолюбивым, хорошо учиться, получить профессию, хорошо и честно работать, не висеть на шее у родителей, а самим становиться на ноги, не то что не декларировалось, но осознавалось как само движение жизни. Когда у детей спрашивали, кем ты хочешь быть, подразумевался, как правило, ответ о профессии, которая обеспечит человеку будущее.

Теперь вопрос стоит в иной плоскости — сколько стоит будущее? Прочитую современного автора, пишущего на темы морали. «Вместе с социалистической идеологией мы выплеснули подлинный патриотизм, без чего невозможно воспитание юного человека. Белобилетные существа, поселившиеся в телевизоре, принялись объяснять завтрашним защитникам родины, что в армию идут служить только лохи и дебилы. Образцами

успеха в одночасье сделались самонадеянные гарвардские мальчики, воротившие носы от «этой страны», и прибалтнанные «новые русские», которым ходки в зону заменяли университеты. Последние годы были временем, когда места положительных героев обветшавшей советской эпохи заняли фанерные рок-звезды, невнятные тусовщики, вдохновляемые сушеными мухоморами, упакованные путаны с их вагинальной романтикой да странные юноши, решающие проблему быть или не быть исключительно в сфере гомосексуальной самоидентификации».

Добавлю: героическое, бескорыстное, добродетельное, столь необходимые формирующейся личности, превратились в объект издевок. Молодежи объявили, что каждый энергичный человек может стать преуспевающим бизнесменом, нужно только крутиться и быстро соображать.

Напомню, цель — быть богатым и преуспевающим — никогда не ставилась и не могла быть поставлена ни в обществе социализма, ни в старой православной России. Христос пришел к нуждающимся и обремененным и провозгласил отказ не только от богатства, но и от имущества вообще. «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах...» Переживание о богатстве было Его особенно мучительным переживанием: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие!» (Лк, 18, 25). Идея-фикс стать богатым, как Ротшильд, с которой пришел в мир молодой человек Аркадий Долгорукий, была последовательно дискредитирована Достоевским в романе «Подросток», главном романе воспитания XIX века.

Ныне маятник качнулся в другую крайность. Тезис «стань богаче», «добудь свой миллион», любой ценой, «в один час», «в один миг», «вдруг» и сразу», стал фактически государственной идеологией.

Стоит заметить, что приоритеты индивидуального успеха проявились вместе со становлением индивидуализма, которое на Западе длилось веками. Напряжение и трагедия индивидуальной свободы, освоение его, адаптация к ней традиционного общества происходили медленно и мучительно, начиная с эпохи Возрождения, с кульминацией в начале XIX века.

Летописцами этого общеевропейского процесса были такие мировые величины, как Стендаль, Бальзак, Байрон; в Европе были созданы авторитетнейшие философские школы по приучению идеи индивидуальной свободы, этого зверя мировой цивилизации.

Но еще в XVII веке поэт Джон Донн предупреждал, что человек — не остров, и если ты слышишь, что звонит колокол, знай, то он звонит по тебе, а уже в XX веке самый американский писатель Эрнест Хемингуэй взял эти стихи эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол».

И вот Россия, где никогда не было ни практики, ни школы индивидуализма, где все основы жизни всегда противостояли бунтарскому своеволию, решила в конце XX века ввести в одночасье, декретом самый

экстремальный индивидуализм. Бывшему пионеру, комсомольцу, общественнику, который, пусть со скрипом, с неприязнью, усвоил, что общественное выше личного, сказали: твоя жизнь, твое здоровье, твое благосостояние — это твое личное дело; государство снимает с себя всякую ответственность за тебя. Делай что хочешь, зарабатывай как можешь, пусть будет, что будет, и пусть неудачник плачет!

Так большевики-ленинцы, сокрушая старую Россию, провозглашали принцип всеобщего разрушения как путь к безграничной свободе и всеобщему счастью, надеясь, что традиционный человек в сжатые сроки, в одночасье, по щучьему велению будет сломлен и сделается податливым материалом для социального эксперимента. Страной для эксперимента считают Россию и новые ультра, на сей раз не левые, а правые. Правые радикалы (ничем не отличаясь по методам от радикалов левых), вводя крайний индивидуализм как общенациональную философию, провозгласили главными ценностями свой забор и личный успех, успех любой ценой, для достижения которого все можно. Собственно, так говорили и большевики: в России можно все попробовать.

Теперь принято — особенно в среде политиков, политологов и политтехнологов — говорить о глубочайшем кризисе морали и о том, что мораль не способствует выживанию. Дилемма видится следующим образом: жизнь — высшая ценность; перед человеком и обществом стоит задача жить, а выживает, как известно, сильнейший. Значит моральный, нравственный человек обречен. То же и со страной: аморальный Запад, построенный на этике индивидуализма, выживет, а Россия, как страна особой традиционной цивилизации, обречена. Она не выстоит в обществе индивидуального успеха и в мире потребления.

Сторонники модернизации России по западным образцам исходят из необходимости подавления традиционного (и как они полагают, ущербного) национального самосознания. Сложился идейно-политический парадокс, при котором Россия подлежит вхождению в глобальный мир на основе общечеловеческих ценностей, но главным препятствием такой глобализации называется народ, чье сознание заведомо настроено антирыночно, антилиберально, антизападно.

Человек, воспитанный в традиционном обществе, конечно, чувствует себя беспомощным и обманутым, но его моральному сознанию вполне ясны цели и задачи навязанного эксперимента. Когда ему говорят: хватит висеть на шее государства, хватит быть иждивенцем, не можешь заработать на жизнь инженером или учителем, иди в челноки, — он знает, что дело не в нем, что вперед неминуемо проскочат проходимцы и подлецы, что это путь, открытый прежде всего для негодеев.

Ответом традиционного общества на введенный явочным порядком крайний индивидуализм и философию личного успеха, то есть личного обогащения, стала тотальная криминализация общества. Теперь никто не станет спорить, что процессы, которые произошли на наших глазах, действительно называются великой криминальной революцией, и название,

например, кинофильма «Бандитский Петербург» с рекламным роликом — никогда вымысел не стоял так близко к реальности — уже никого не удивляет.

Ответом на дикарскую радикальную философию стал дикий капитализм, и определение его как криминальный никого более не удивляет и не кажется преувеличением. Так принцип «все покупается и все продается» в России оборачивается работоторговлей, продажей детей на человеческие органы и электропроводов на цветной металл. Крайний индивидуализм для традиционного человека все равно что алкоголь для малых народов Крайнего Севера, которые, не имея привычки и культуры употребления алкоголя, поголовно спиваются и вымирают.

Что может дать столь же дикарская философия «ты у себя один» или «ты у себя одна» — в стране, где люди помнят слова апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит? Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Что может принести обществу тотальный принцип личного успеха, провозглашенный как принцип самосознания женщины, когда этому противится сам русский язык, в котором такие понятия, как самоотверженность, самозабвенность, самоограничение, жертвенность — высшие качества поведения в любви и в семье? А слова самовлюбленный, самовластный, самовольный, самодовольный, самомнение, самохвальство — качества низкие и недостойные?

На западе философия деловых женщин рождает, наверное, деловых женщин, у нас, с непривычки к женскому эгоизму и индивидуализму, — миллионное население детских домов при живых матерях. В стране появились беспризорники, подростки, не умеющие читать и ни одного дня не посещавшие школу, их состояние здоровья вызывает оторопь у медкомиссий.

Прививка современному обществу экстремального индивидуализма, стремление новых идеологов мгновенно переделать человека вопреки тем ценностям, которые он считает традиционными, впитанными с молоком матери, сродни реформам с шоковой терапией. Это, собственно и есть идеологическая база уже провалившихся реформ. Провал шоковых методов (замечу, в психиатрии шоковым методом как будто лечат психбольных) в экономике значит больше, чем провал экономики; он обнаруживает неприемлемость и несостоятельность шоковых методов в идеологии, в воспитании, неприемлемость радикальной смены моральных критериев и приоритетов.

Кризис радикального индивидуализма, скоротечно проведенного в жизнь и ставшего залогом успеха для отдельных людей, очевиден уже сегодня. Люди, достигшие колоссального успеха, карьеры, богатства,

добиваясь только личного успеха, не чувствуют себя в безопасности в собственной стране. Их личный успех оказывается эфемерным без успеха общества в целом, потому что нельзя пользоваться своим богатством в несчастной, нищей и криминальной стране. Нельзя чувствовать себя в безопасности в стране катастроф.

Чтобы устроиться самим, чтобы это устройство было полноценным, долговременным и прочным, нужно обустроить и общество. Это понимали дореволюционные богачи, но не понимают нынешние. С той идеологией, которая внедрена в сознание общества, можно лишь обогатиться, сорвать куш и сбежать. В каком-то смысле вся эта самозваная элита, один процент населения, которая приняла для себя философию личного успеха любой ценой, так и живет: здесь срывая куш за кушем, но отдыхая за границей, лечась за границей, держа свои семьи и своих детей там же, в безопасных, обустроенных и цивилизованных местах. Но это идеология мошенников, а не граждан; и кто сегодня верит, что эти мгновенно нажитые состояния назначенных миллионеров приобретены честным путем?

Идеология личного успеха любой ценой фактически стала у нас оправданием мошенничества в особо крупных размерах. Эта идеология разрушительна и развратна; она опасно снижает моральный порог допустимого и порог терпимого в обществе, она является первым и главным провокатором насилия в обществе, а значит и в семье. Это идеология деморализации общества: когда все знают, что элита, люди, достигшие успеха, врут и воруют, что ее, элиту, не раз ловили за руку, но она процветает, в наглую демонстрирует свое запредельное богатство, невозможное для людей честных профессий, и что она по-прежнему неуязвима.

То, что невозможно в цивилизованных странах, — публичная ложь должностного лица, пойманного на лжи или воровстве, — оказывается у нас уже привычной нормой. Идеология индивидуального успеха в деморализованном обществе («кто не успел, тот опоздал») разрушает самые основные, базовые ценности этого общества — потому что честность и честь, благородство и сострадание ассоциируются по факту жизни с жизненной неудачей, воспринимаются как признак несостоявшейся личности, как примета «старых русских», в отличие от «новых русских», или новых богатых. Замечу: все большее число легкомысленных приверженцев новой философии, на своем личном опыте столкнувшись с беспределом в сфере политики, бизнеса, избирательного права, говорят о необходимости твердых правил, честной игры, о моральном пороге.

Неудовлетворяемое чувство справедливости отравляет кровь и мозг; вызывает к мести, а в России слишком хорошо известно что такое социальная месть, бессмысленная, беспощадная и самоубийственная.

Традиционное воспитание, державшееся на нормах, правилах, моральных ценностях и приоритетах, становится, вопреки ожиданиям правых радикалов, спасительной крышей для них самих. И если общественное согласие достигается тогда, когда соблюден баланс

справедливости и свободы, так и личная гармония возможна при условиях, когда для достижения успеха выгодно, необходимо из чувства самосохранения, быть человеком нравственным; при этом нравственные ценности сохраняют свою первостепенную значимость и не обмениваются на богатство, благополучие и социальный успех.

Варга А.Я.

Насильники поневоле

Насилие в семье, всякое - физическое, сексуальное, эмоциональное, - происходит часто и во многих семьях, но совсем не всегда воспринимается как насилие всеми участниками этого процесса.

Есть, конечно, очевидные случаи, когда отцы, отчимы, дяди и прочие родственники мужского пола насилуют и/или систематически избивают маленьких девочек или мальчиков. Обычно такое квалифицируется окружающими как насилие. Во многих других случаях насильник не считает, что он совершает насилие, жертва не считает, что подвергается насилию, и свидетель не понимает, что же он наблюдает. Муж с женой поссорились и подрались, но муж оказался мощнее жены и в пылу драки избил ее несколько сильнее, чем собирался. Это что? Физическое насилие? Девять человек из десяти удивятся такому определению. «Семейное дело, с кем не бывает, ну повздорили, милые дерутся». Я наблюдала кросскультурный брак - муж русский, жена американка. Однажды муж дал пощечину жене. Жена решила с ним развестись, и мало того, посадить его в тюрьму за физическое насилие. Жили бы они в Америке, так бы она и сделала. В России у нее это не вышло. В милиции очень смеялись, а муж сказал: «Ты еще глупее, чем я думал. У нас в семье это обычное дело. Папа маму бил, и я свою первую жену поколачивал». Против развода муж не возражал, обиделся за то, что в тюрьму жена хотела его посадить. А вот еще знакомый сюжет. Муж требует от жены секса. Если она откажет, то будет скандал. Ссора на несколько дней. Жена соглашается. Занимается с мужем любовью по принуждению и не знает, что является жертвой супружеского насилия. Ребенок плохо себя ведет. Его нашлапали. Родители скажут: «Мы его учили». На самом деле по отношению к ребенку было осуществлено физическое насилие. Много ли тех, кого в детстве пальцем никто не тронул? А уж тех, на кого в детстве ни разу не накричали, совсем не найдется. Не дома, так в школе кричали, пугали угрозами страшными. Нормальная ситуация развития российского ребенка сопровождается таким эмоциональным насилием чуть ли не каждый день. Между тем стресс, который переживает ребенок в ситуации эмоционального насилия, ничем не отличается от стресса, который бывает в ситуации физического и сексуального насилия. В свое время под моим руководством была выполнена курсовая работа на кафедре психологии и педагогики

Педагогического института, теперь это Педагогический университет. Среди студентов проводился опрос: какое самое неприятное школьное воспоминание. Оказалось, что у большинства самое неприятное воспоминание - это крик учителя. Интересно, что не важно, кричал ли учитель на тебя или на твоего одноклассника. Одинаково травматично быть жертвой или свидетелем насилия. Любое систематическое насилие приводит к тому, что у жертвы и у свидетеля развиваются посттравматические стрессовые расстройства. В обыденной жизни наиболее заметными признаками постстрессового являются т.н. симптомы повышенной возбудимости у ребенка: раздражительность, нарушения сна, непослушание, трудности концентрации внимания, взрывные реакции, непроизвольная физиологическая реакция на событие, символизирующее или напоминающее травму. Например, если замахнуться рукой на битого ребенка, он может зажмуриться, отшатнуться, закрыться руками, испугаться, заплакать, несмотря на то, что столкнулся только с угрозой, не с реальным насилием. Небитый ребенок просто удивится. Симптомы повышенной возбудимости – это самые малые признаки посттравматического стрессового расстройства, которые могут вызываться бытовым насилием любого рода. Есть, однако, еще одно следствие опыта насилия, которое в каком-то смысле страшнее вышеперечисленных. Пережитое насилие приводит к формированию сниженной самооценки. Ребенок делает выводы о себе, о том, чего он стоит в этой жизни, по тому, как к нему относятся значимые взрослые. Если ребенка обижают, унижают, бьют, пугают криком, угрозами, сексуально используют и т.д., то ребенок уверяется в том, что ничего лучшего он и не стоит, что все это он заслужил, потому что он плохой. Часто это иррациональное убеждение формирует всю его дальнейшую жизнь. Надо сказать, что такая же логика есть и у взрослых жертв насилия. Они всегда спрашивают себя: «Почему это случилось со мной?» В случайных, иррациональных, жестоких и несправедливых событиях люди стараются найти логику и смысл: возмездие за грехи, собственное неправильное поведение, вроде провокации насилия, и некое ощущение своей общей мерзости, которая и есть причина произошедшего. У ребенка низкая самооценка приводит к тому, что он перестает искать доброе отношение к себе, стремиться к успеху. Пережитый опыт насилия научит ребенка это насилие совершать, правда, теперь по отношению к более слабым и беззащитным. Многие взрослые насильники в детстве были жертвами насилия.

Пассивный свидетель насилия так же испытывает негативные последствия этого опыта. Самое печальное следствие - это ощущение беззащитности - и своей и взрослого человека - жертвы. Непреодолимая безнадежная беззащитность - а затем либо смирение с этой мыслью и появление покорной жертвы, либо яростный протест против этого - и появление агрессивного насильника. Первый опыт насилия в этом случае обычно совершается по отношению к тому, кто мучил жертву на глазах у

ребенка. Знакомый сюжет: сын избил, покалечил, убил отца, который годами преследовал и терзал мать.

Итак, получается замкнутый круг: насилие порождает насилие. Где есть насилие, там есть жертвы. Участники треугольника насильник-жертва-свидетель воспроизводят эти роли в следующих поколениях и/или с другими людьми. Мало кому удастся избежать этого самостоятельно, без специальных усилий или специальной помощи. Насилие широко распространено в практике обыденной жизни. Оно настолько привычно, что мы и не считаем насилие насилием, это норма. Причины обычной жестокости находятся в культуре нашего общества. Рассмотрим ситуацию с эмоциональным насилием подробнее. Крик, как уже самый знакомый вид эмоционального насилия. Многих детей крик парализует. Часто возникает парадоксальная ситуация - ребенка хотят поторопить, сначала просто говорят «Быстрее, быстрее». Потом начинают кричать - и вот здесь происходит полное разрушение той деятельности, которой ребенок занимался пусть и недостаточно быстро. Вообще говоря, многие родители и учителя знают, что крик не приводит к требуемому результату. Однако они продолжают кричать на детей. Зачем? Человек не совершает бессмысленных поступков. Если продолжается крик, значит, он издается для чего-то еще. Например, чтобы криком снять собственное напряжение и тревогу. Получить разрядку, несмотря на то, что ребенку расслабление взрослого стоит эмоционального комфорта. «Мне плохо, а я еще буду заботиться о том, чтобы ребенку было хорошо?» - с возмущением спрашивал меня один папа. Высказывание, типичное для эмоционального насильника. Оно говорит о том, что насильник почти не отделяет себя от жертвы, воспринимает себя и ребенка в некотором смысле как одно целое. В семье, где эмоциональное насилие происходит часто, существует негласное правило. Формулируется оно примерно так: «Все члены нашей семьи должны чувствовать одно и то же одновременно». Особенно это верно по отношению к отрицательным чувствам. Пришла мама с работы, где ее начальник оскорбил и расстроил, накричала на своих домашних. Все ее родные теперь расстроены и оскорблены. Все чувствуют одно и то же, это сближает, напоминает людям, что они не чужие друг другу. Непосредственная перекачка чувств. Мама немного своих расстройств отдала, и ей полегче стало. Часто про детей говорят: «Пока не доведет, не успокоится». Кажется, будто ребенок вызывает скандал, провоцирует взрослого человека. Накажешь такого ребенка, он поплачет, а потом быстро успокоится. Передал немного своего внутреннего беспокойства взрослому, стало легче. В тех случаях, когда человек не очень понимает, где кончается он сам, а где начинается другой человек, где его чувства, а где чувства другого человека, где его проблемы, а где проблемы другого человека, где его ответственность, а где ответственность другого человека - там легко возникает насилие эмоциональное насилие. Насилие совершается человеком, у которого слабые, прерывистые границы его личности. Он легко и непринужденно «сливает» свои огорчения, ярость, обиду в другого

человека, и если другой такой же «дырчатый и безграничный» то он легко все берет. Его обижают, и он обижается, он позволяет себя оскорблять, унижать, мучить, потому что ему трудно отделить себя от чувств и действий другого. Он эмоционально заражается, вовлекается. Вот и образовалась необходимая для осуществления насилия пара - насильник и его жертва. В семьях, где существует эмоциональное насилие, всегда плохо построены границы личностей. Вернее эти семьи состоят из людей со слабыми личностными границами. Ребенок в этих случаях удачный партнер, потому что границы его личности слабы по возрасту. Редко встретишь малыша, на которого мама, например, кричит, а он спокойно и сочувственно смотрит на нее и говорит: «Я понимаю, что у тебя был трудный день, мамочка. Давай я расскажу тебе как у нас в детском саду музыкальные занятия проходили». Вместо этого он или пугается, или обижается - словом заражается и вовлекается. Круг замкнулся.

Слабость личностных границ в каком-то смысле есть культурная специфика России. Носитель народной мудрости и правды Платон Каратаев умел «жить миром», быть частью целого. Толстой пишет: «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера олицетворением всего русского, доброго и круглого (:) Но жизнь его (Платона-А.В.) как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал». Вот эта способность быть счастливым от того, что являешься частицей чего-то большего, не имеешь самостоятельной ценности, достигается именно с помощью размытых границ личности, смазанной индивидуальностью.

В русском языке нет понятия, адекватного английскому *privacy*. Это что-то вроде частной жизни, личной суверенности. Нет понятия и, значит, нет потребности. Душа нараспашку - вот что ценится. Это замечательное понятие, аналогов которому нет в других культурах. В русской культуре выработались правила воспитания, позволяющие сохранять личные границы незамкнутыми. «Будь как все», «Тебе что, больше всех надо?», «Не противопоставляй себя коллективу» - дети часто слышат эти сентенции. Хороший ребенок - это послушный ребенок. Идеально, когда ребенок слушается и подчиняется не спрашивая: «Почему так?». Взрослые не всегда могут объяснить, почему так, и в качестве аргумента говорят: «Потому что я тебе велел». Или: «Потому что я лучше знаю, как для тебя хорошо». Последний аргумент поражает искренней убежденностью. Дети верят. Мама лучше знает, на маме, в таком случае, и ответственность за устройство чужой жизни. Пусть эта жизнь родного ребенка, все равно это не своя жизнь, а значит - чужая. Родителей обычно оскорбляют подобные рассуждения. Им кажется, что не брать на себя ответственность за жизнь ребенка, не управлять им, - значит, как бы бросить этого ребенка на верную гибель. Объяснять свои требования - все равно, что не доверять собственному родительскому авторитету, вроде прогибаться перед ребенком. Держать себя в руках, не показывать свои чувства в непосредственном виде - быть неискренним, отдаляться. Если взглянуть на

дело с другой стороны, то получится, что беспрекословное послушание необходимо, чтобы осуществлять авторитарный контроль, а за ним, в свою очередь, скрывается неверие в здравый смысл и душевные силы ребенка, своего рода неуважение ребенка. Я соглашусь, что возможность держать себя в руках, требует несколько большей дистанции - имеешь дело все-таки не с собственной ногой или рукой, а с отдельным человеком.

За привычную близость, за роскошь недоделанной индивидуации, за незакрытые границы личности мы платим огромной распространенностью прежде всего эмоционального насилия в семьях, а часто и всякого другого. В каждом поколении воссоздается новая историческая общность людей, поголовно страдающих явлениями посттравматического, но не знающих этого. Не переплачиваем ли за культурную идентичность?

Здравомыслова. О.М.

Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания

Мое выступление обозначено таким образом, что оно задает несколько иной поворот теме, обозначенной в заглавии конференции. Я буду говорить о том, как насилие в семье обусловлено, с одной стороны, ситуацией, в которой живут сейчас родители и дети, а с другой стороны, как проблема семейного насилия связана с кризисом «базовой» концепции воспитания. Я буду опираться, главным образом, на результаты проведенного мной в самом конце 1999 года исследования «Насилие в семье глазами учителей и воспитателей».

Вначале я хотела бы выдвинуть следующий тезис: в течение XX века и особенно начиная со второй его половины – «базовая», или традиционная концепция воспитания (имея свою специфику в разных обществах, она обосновывает задачу воспитания послушного и успешного ребенка) во многих странах, в том числе и в России, переживает кризис. Мощным стимулятором этого процесса стала вторая мировая война, вызвавшая резкие демографические изменения, и 60 годы – период знаменитых молодежных революций в Европе и США. Россия была глубоко включена в эти процессы. С одной стороны, катастрофа, произошедшая с мужским населением в 30-ые годы и в период Великой отечественной войны, изменила структуру семьи в России. В результате, целое поколение выросло в условиях безотцовщины, то есть в семьях, где главой и единственным кормильцем была мать. С другой стороны, процессы, которые происходили в России в конце 50-ых и в 60-ые годы, хотя и не связывались напрямую с «конфликтом поколений», тем не менее обозначили водораздел между поколениями тогдашних «отцов» и «детей» (будущих 60-ников). Поэтому мы можем утверждать, что изменения, обусловившие, в

конечном счете, кризис традиционной концепции воспитания, происходили в России не менее интенсивно, чем в Европе.

В чем, собственно говоря, выразился этот кризис? Прежде всего, в том, образ жизни старших (родителей) перестал играть для младших (детей) роль ясного ориентира и образца. Я хочу подчеркнуть, что в России это не результат последнего десятилетия, как сейчас часто принято считать, а результат довольно длительного периода общественной трансформации. Если обратиться к опыту последнего времени, то его отличительными чертами оказались пугающая неопределенность будущего и жизнь в «обществе риска». Именно они рассматриваются западными – а теперь уже и отечественными - социологами как фундаментальные изменения условий существования человека, затрагивающие его идентичность, межличностные отношения, сферу интимности.

В последние годы в России напряженность и конфликтность в отношениях между людьми, «находящимися в постоянной истерике выживания» (выражение Н. Кигай), стала своего рода атмосферой, в которой живут семьи и воспитываются дети. Я хотела бы проанализировать некоторые результаты своего исследования феномена насилия в семьях именно с этой точки зрения.

Исследование проводилось методами групповых дискуссий и углубленных интервью. (Продолжительность каждой дискуссии - 1 (один) час, продолжительность каждого интервью - 15 - 20 минут.)

Дискуссии состоялись в школе и детском саду. В них приняли участие 8 учителей и 8 воспитателей. 8 участников исследования (четверо учителей и четверо воспитателей) участвовали в интервью.

Главная особенность нынешней *атмосферы воспитания в семьях*, отмеченная, практически, всеми участниками дискуссии - возросшая отчужденность родителей и детей, дефицит душевности, ласки, эмоциональности, внимания к детям и их проблемам.

Наблюдения воспитателей.

Дети предоставлены сами себе. Родители и дети не разговаривают. Читать, практически, вообще перестали. Дети смотрят «злые» мультфильмы. Общение с родителями заменяется общением с телевизором. Душевный контакт заменен материальным (накормили, одели). Выросло равнодушие к проблемам ребенка: родители гораздо реже, чем раньше, и с неохотой посещают консультации, организованные воспитателями, родительские собрания. Равнодушны даже к здоровью ребенка, поскольку зарабатывают где-то по договору и не могут взять больничный.

Наблюдения учителей

Безответственное отношение к ребенку - особенно у молодых родителей. Нет души в воспитании ребенка. Нет стабильности, много внешних раздражителей - все это отражается на отношении к ребенку. Родители неласковы. Меньше выражают эмоции. Дефицит ласки.

По мнению учителей и воспитателей, это результат воздействия общества на семью: находясь под гнетом страха «не справиться» с жизнью (обеднеть, потерять работу, заболеть), родители сами становятся неуверенными, уязвимыми и как бы теряют силы для любви к детям, эмоционально опустошаются, становятся раздражительными и агрессивными. Появился новый социальный страх: неуспешность детей (ребенок, не подготовленный к школе или недостаточно хорошо справляющийся со школьными требованиями, может не выдержать конкуренции, оказаться неудачником). **Родительский страх перед жизнью проецируется на детей и делает атмосферу в семье особенно напряженной.**

Наблюдения участников дискуссии

Дети стали более жестоки, у них плохо развита речь. Родители с утра до вечера зарабатывают деньги, а не общаются с детьми. Два-три года назад уже стало заметно, что родители не хотят разговаривать с воспитателями о проблемах детей - нет времени. Стремятся только как можно скорее и надежнее подготовить к школе, чтобы ребенок не оказался отстающим. Неудач ребенка стали бояться - «подгоняют» их, не думая о здоровье, о том, что дети устают. Невроз у каждого ребенка: у кого-то тики, кто-то боится оставаться в темноте, кто-то боится посторонних людей. Пропал интерес к личности ребенка, поскольку нет контакта. Родители признают, что не имеют ни времени ни сил заниматься детьми. И у детей пропадает чувство защищенности, они теряются в этом мире.

По общему мнению участников дискуссии, **семья - очень закрытая система и о том, что там, в действительности, происходит, никто толком не знает - дети тоже это скрывают.** Можно тем не менее утверждать, что жестокости по отношению к детям стало больше.

Жестокое обращение с детьми широко распространено. Учителя склонны объяснять это тем, что «стало много психически неуравновешенных людей». Но общее мнение состоит в том, что **жестокость к детям - отражение жестокости общества.**

Снизился порог восприятия и определения жестокости в отношении детей: это выражается прежде всего в словесной агрессии родителей («дурак, был дураком и останешься, куда ты рвешься»). По наблюдениям учителей, **самим детям стало трудно сказать друг о друге что-то хорошее.** Респонденты делают вывод: дети мало получают

«словесной» ласки в семье. И подтверждают это своими впечатлениями об общении с родителями: *негативное отношение к ребенку им выразить легче: «развить тему «какой у меня хороший ребенок могут не все, о том, какой плохой могут говорить часами». Чаще всего детей обвиняют в непослушании, в несерьезном, небрежном отношении к учебе.*

Было заметно внутреннее сопротивление участников дискуссии признанию такого явления как **насилие в семье**. Об этом читали, слышали, но определить какие-то проявления отношения к детям со стороны родителей как насилие, «не поворачивается язык». Поэтому первоначальная реакция учителей и воспитателей состоит в том, что *насилие бывает у наркоманов, алкоголиков - в неблагополучных семьях. Физического насилия значительно меньше в интеллигентных семьях. Наличие насилия - знак неблагополучия в семье. Например, это вполне возможно в неполных семьях, где «замученная, задержанная мама». В благополучных семьях «забитых детей нет, но есть озлобленные».*

Интересно, что **понимание того, что семейное насилие существует, приходило и углублялось в ходе дискуссии и интервью**. Постепенно уменьшалось сопротивление признанию того, что в их собственной практике были и есть факты родительской жестокости и даже насилия над детьми из вполне «благополучных» семей.

Факты, рассказанные в ходе дискуссии и интервью.

Отец бьет мальчика за оценки: мальчик в школе ведет себя нагло и в то же время он бледнеет от любого замечания.

Школьница со слезами рассказывает другим детям: «мама меня просто убьет, если узнает что я потеряла шарф, который она подарила»

Маленьких детей оставляют одних на ночь.

Маленькому ребенку отказываются читать на ночь, доводят до слез.

Мать приходит в детский сад и вместо ласковых слов только раздражается, кричит, торопит ребенка.

Жестоко наказывают на ребенка за то, что он недостаточно опрятен.

Девочка целый день переживает, что у нее оторвалась пуговица, потому что дома ее накажут - она боится матери.

Маленького ребенка-дошкольника в качестве наказания заставляют дома стирать всю его одежду - он панически боится испачкаться.

Девочка отшатывается от воспитательницы, когда та делает ей замечание - ей кажется, что ее сейчас ударят, хотя не признается, что мать ее бьет (сама мать признается в разговоре с воспитательницей, что «у нее не выдерживают нервы»).

Мать била ребенка спицами (оставались следы на ногах).

Девочка (ей нет еще пяти лет) чем-то обидела отца. В наказание он не разговаривал с ней месяц. Девочка была этим потрясена. Отец считает, что это нормальная мера воспитания.

Ребенок закрывает руками голову, а других детей непременно бьет по голове - хочет, чтобы им было так же плохо, как ему, когда его бьют родители.

Мальчик вынужден вымаливать отметки у учителей, унижается, эмоционально шантажирует учителей, потому что дома на него «давят» родители, особенно мать, требуя, чтобы он был успешным в школе.

Участники дискуссии отмечают характерные изменения в поведении многих детей.

Дети становятся более равнодушными по отношению друг к другу - они отошли от игр и отношений (более мягких, спокойных), которые были раньше. Нет игр «в семью». Девочки перестали играть в куклы. Игры однообразны, в основном, сюжеты из мультфильмов. Есть дети, которые и в играх всегда «изгой». Дети иногда проявляют особую жестокость к отношению к игрушкам.

Дети часто «не справляются» со своим поведением.

Дети из семей, в которых с ними жестоко обращаются, более уязвимы, чаще плачут и раздражаются в детском саду. Благополучные дети чувствуют, что у них дома есть опора - и они более спокойны.

Анализ высказываний респондентов позволяет сделать вывод, что они вкладывают в понятия «насилие» и «жестокость» разный смысл. Насилие в их понимании ближе всего к *подавлению личности*. Такое подавление может быть моральным, физическим и сексуальным. Тем не менее в связи с темой насилия у респондентов в первую очередь возникает мысль о моральном и эмоциональном подавлении ребенка, поскольку физическое и сексуальное насилие, по их мнению, находятся «за гранью нормальности».

Под моральным насилием чаще всего понимают давление на ребенка с целью добиться от него особых успехов, в то время как ребенок слишком мал, чтобы сопротивляться: «Родители хотят сделать как лучше - внушают ребенку, что он должен добиваться каких-то высот, которых он не может достичь. Требования которые предъявляются настолько завышены, что ребенок не может соответствовать и от этого страдает».

Моральное насилие, как его понимают участники дискуссии, проявляется в унижении ребенка, «растаптывании» его как личности. Например, довольно часто родители стремятся контролировать каждую минуту жизни ребенка, день которого полностью расписан, так что «невозможно продохнуть». Родители считают, что это благо, поскольку уверены, что в нынешнем мире ребенок должен быть способен конкурировать и побеждать, поэтому он должен освоить все, что возможно - тогда что-нибудь из него да получится. Родителям тяжело признать, что ребенок - человек, которого надо *выпустить* в жизнь. Чаще хотят

«запрограммировать». Результатом такого морального насилия оказывается то, что человек начинает изменяться как личность. Насилие - желание полностью распоряжаться жизнью своего ребенка. Ребенку не объясняют, почему ему что-то запрещают.

Говорить с родителями на тему о жестоком обращении с детьми, по общему признанию участников дискуссии, крайне трудно. Учителя, как правило, даже не пытаются. У родителей, по их мнению, будет реакция отторжения, поскольку «мало ли что происходит в семье: это закрытый мир». При этом учителя признают, что ребенок остается в этом случае полностью беззащитным. Единственное, что могут сделать в этой ситуации дети, это «найти себе отдушину», то есть друга- сверстника, компанию. Но далеко не всем это удастся, поскольку «забытые дети» имеют трудности и в общении со сверстниками. Что тогда? Этот вопрос остается, фактически, без ответа. Учителя таких детей «жалеют», но сделать ничего не могут.

Отчасти, эта общая растерянность связана с убеждением, разделяемым тем не менее подавляющим большинством воспитателей, что «в семью нельзя вмешиваться никому» и что «родители имеют все права на своего ребенка и даже недопустимые и крайне жестокие вещи делают из любви и заботы». Но постепенно открывается, что этот стереотип скорее маскирует беспомощность учителей перед насилием и нарушением прав ребенка.

В этом смысле характерен сюжет, рассказанный одним из участников дискуссии - учителем, проработавшим в школе более 30 лет - и реакция самого учителя на очевидный факт насилия.

Учитель знает, что девочке нельзя ставить плохие отметки, потому что мать бьет ее. В то же время он не допускает мысли о том, что нужно вмешаться в ситуацию и спасти девочку. Создается впечатление, будто он сам ставит себе границу, дальше которой не хочет продвигаться в понимании ситуации и заключает свой рассказ неожиданным выводом: «но ведь это проявление любви; мама дочку любит, хочет, чтобы она была хорошей, чтобы она была умной, послушной». Сама идея поговорить с матерью, а тем более обратиться за помощью к специалистам, кажется учителю невероятной. В результате, два взрослых человека, которые оказались ближе всего к девочке, как бы по молчаливой договоренности не вступают в контакт: мать не ходит даже на родительские собрания, учитель не пытается выйти на разговор с ней, даже когда для этого есть причина (успеваемость девочки). Похоже, что ситуация внушает учителю ужас, от которого его «спасает» стереотип безусловности родительской любви.

Учителя признают: «родители не знают, что у ребенка должна быть своя сумка, свой карман, куда нельзя залезть». Они чувствуют и постоянно наблюдают, как легко родители нарушают границу «мира ребенка», распространяя свою абсолютную власть на его личность. Но они не видят, как можно изменить ситуацию, поскольку и дети привыкли, что нарушают их личное пространство - «принимают это», а следовательно, будут

воспроизводить то же самое, став родителями: «все мы нарушаем, на этом идет процесс».

Воспитатели детского сада чаще говорят с родителями о детях (поскольку видят родителей каждый день). Тем не менее разговоры о том, что нельзя запугивать ребенка наказанием за провинность воспринимаются родителями «в штыки»: «Она (мать) не понимает, она твердит, что ребенок должен приходить домой опрятным». Характерный ответ родителей - «ребенок все выдумывает», поэтому мы можем навредить своим вмешательством - поэтому «лучше с родителями не говорить».

Участники дискуссии полагают, что надо стараться помогать ребенку психологически: поговорить, посочувствовать, пожалеть. Это позволяет сделать вывод, что различные формы обучения, дискуссии в профессиональной среде, дискуссии в обществе о норме и отклонении во взаимоотношениях родителей и детей - крайне необходимы воспитателям, учителям, социальным работникам.

В ходе дискуссии респонденты постепенно пришли к мысли о том что детей надо учить различать то, что опасно для них в поведении взрослых. Тем не менее респонденты уверены: если что-то исходит от родителей, дети считают, что это в порядке вещей. Общая позиция состоит в том, что ребенка надо пожалеть и утешить.

Несколько раз звучала мысль о том, что полезно обращаться к специалистам (к психологам, в специальные центры, в службы телефонов доверия и т.д.). Наибольшее доверие вызывают индивидуальные консультации психологов. Тем не менее разговор с родителями на тему о жестокости в семье невероятно сложен. Родители боятся этих тем («мать закрылась, как улитка»). Любые разговоры, даже в самой мягкой форме, если это касается их семьи, воспринимают болезненно. Установившаяся «свобода нравов» не отменила табу, если это касается собственной семьи.

Дискуссия и интервью показали, что проблема нарушений прав ребенка, подавления его личности и различных форм насилия над ним затрагивает самые глубокие пласты жизни семьи (отношения между родителями, их собственный детский опыт, их болезненные неудачи в социуме, эмоциональные и психологический климат внутрисемейных отношений). Родители, как правило, отторгают тревожную и пугающую информацию, твердят: у нас все хорошо, он (ребенок) все выдумывает.

«Человек должен осознать, что он делает неправильно, но у родителей масса доказательств, что они все делают во благо ребенку» - таков, по сути дела, общий вывод участников дискуссии. Это вовсе не означает, что нужно «закрыть тему». Вывод прямо противоположен: необходимо давать обществу больше информации о семье и самых болезненных ее проблемах.

Очевидно, можно выйти и на более широкое обобщение: крайне напряженная ситуация, в которой «выживают» российские семьи ускоряет и углубляет кризис так называемой традиционной концепции воспитания. Так, результаты проведенного исследования недвусмысленно

свидетельствуют: жестко ориентируясь на модель «послушного и успешного ребенка», родители стремятся угодить требованиям социума, непонятные и пугающие для самих взрослых. Постоянный стресс и раздражение довольно легко переходят в жестокость и откровенное подавление личности ребенка, а это не только деформирует внутрисемейные отношения, но и делает ребенка неспособным в будущем нормально справляться с трудностями взрослой жизни. Так обсуждение проблемы семейного насилия выходит далеко за рамки частной жизни отдельных семей и проливает свет на то, как «работают» скрытые механизмы жизни общества, предопределяющие его близкое и более отдаленное будущее.

Вроно Е.М.

Несчастливый ребенок в счастливой семье

Крайняя степень нещастливости ребенка обнаруживается в различных проявлениях суицидального поведения. Попытка самоубийства ребенка - это катастрофа, которая выявляет скрытые, неочевидные для окружающих семейные дисгармонии.

Это справедливо в первую очередь для тех семей, которые принято называть и считать благополучными, вполне счастливymi семьями. Семья, имеющая счастливый вид, на самом деле счастлива совсем не всегда. В ее недрах зачастую скрываются семейные секреты и постыдные тайны, полыхает пожар амбиций, идет борьба за власть, участники которой глухи к обидам и страхам друг друга...

Все это запрятано глубоко, грубых и очевидных проявлений насилия незаметно. Не видно следов побоев и жестокого обращения, и, тем не менее, в таких семьях осуществляется насилие, насилие, которое называется эмоциональным. Взрослые заботятся о физическом благополучии и здоровье ребенка, его не лишают пропитания и крова, опекают его, нередко чрезмерно. Однако все это не заменяет ребенку счастья, поскольку, не имея поддержки, он испытывает гнет ожиданий и требований взрослых, непосильный и несоответствующий его природным данным и склонностям. В «благополучной» семье, семье высококонормативной, ориентированной на поддержание своего статуса любой ценой, ребенок нередко становится орудием социального реванша, в него много вкладывается, и дивиденд ожидается немаленький. В такого рода взаимодействиях нет места человеческому теплу, терпимости, свободе.

На чердаке одной из самых известных московских школ повесился мальчик из выпускного класса. Шок, испытанный всеми, был тем сильнее, что это был абсолютно благополучный подросток: прекрасная семья, родители в постоянном контакте с учителями, отличные академические успехи и по программе, и в занятиях с репетиторами... В дневнике, который

мальчик вел много лет с удивительной дотошностью, он написал о своей не проходящей тревоге, страхе подвести родителей, не оправдать их надежд. Страхе, который, наконец, победил.

Дети и подростки совершают суицидальные попытки совсем не так редко, как представляется взрослым. Взрослые, понятное дело, опасаются взглянуть на эту проблему открытыми глазами. Ведь если принимать ситуацию во всей полноте нельзя не признать: детская часть населения нашего общества не испытывает безоблачного счастья. Более того, дети и подростки принимают решение о собственной добровольной смерти. Случается это с каждым годом все чаще.

Взрослые, как правило, бывают задействованы в суицидальном конфликте ребенка или подростка. Короткий пример: из года в год одна треть всех обращений в службу «03» по поводу суицида - дети и подростки. Впрочем, следует отметить, что рост количества подростковых суицидов отмечается во всем мире. Более того, темп ежегодного роста в США пока значительно выше, чем в России, что связано с большей доступностью «тяжелых наркотиков». Однако на этом пути Россия догоняет Америку довольно резво.

Суицидальное поведение детей и подростков имеет некоторые особенности, что позволяет обманываться по поводу его реальной опасности для жизни. Действительно, подростки очень часто совершают так называемые «парасуициды». Они демонстрируют намерение умереть, сами при этом умирать не предполагают - таким образом они пытаются избежать наказания, настоять на своем, изменить ситуацию, добиться любви и признания... Похоже на шантаж, но подростки, в отличие от взрослых, никогда в подобной ситуации не имитируют суицид.

Рецидивы покушений на самоубийство в подростковом возрасте случаются очень часто, а каждая следующая попытка опаснее, чем предыдущая: опыт прежней неудачи побуждает подростка выбрать более травматический и надежный способ.

В этом коротком сообщении нет места для детального обсуждения особенностей суицидального поведения детей и подростков, скажу лишь, что любой, даже похожий на шантаж, детский суицид - это аутоагрессия.

Подросток, если уж он задумал отравиться, никогда не выкинет таблетки в окно, не разложит красиво пустые упаковки и не «ляжет умирать», положив на видном месте душеспасительное письмо. Подросток все таблетки непременно примет, полагаясь при этом на свой жизненный опыт при выборе, по его мнению, «неопасных для жизни доз и безвредных средств». Медицинские последствия подобных «переигранных» демонстраций приводят суициданта в реанимацию.

Впрочем, большая масса подростков совершают и нетяжелые попытки, однако и они в перспективе составляют угрозу для жизни: во всех описанных случаях понятие "cry for help" (Norman Farberau) представляется мне адекватным и более чем справедливым.

Многолетние исследования суицидального поведения детей и подростков показывают, что покушение на самоубийство ребенка - это симптом неблагополучия, симптом душевной болезни пациента и всей семьи. Поэтому и помощь нужно оказывать всей семье, помощь своевременную и комплексную, привлекая усилия помогающих специалистов разных профилей: психологов, психиатров, социальных работников, педагогов.

Сделать так, чтобы люди вообще и дети в частности отказались от добровольной смерти, не в силах даже самые компетентные профессионалы. Убеждать тех, кто колеблется, не допустить рецидива суицида и, главное, предотвратить «доведение» до самоубийства ребенка - профессиональный и человеческий долг помогающего специалиста, в особенности специалиста, помогающего семье.

Ениколопов С.Н.

Особенности психологической адаптации женщин к условиям переходного периода

Общественно-экономические и психологические изменения, происходящие в нашей стране в последние годы, поставили каждого человека перед необходимостью учитывать эти изменения и приспособляться к ним. Неопределенность и противоречивость современных социальных процессов, радикальность и скорость, с которой они совершаются, заставляют личность определять свое место в социуме, в профессии, изменять привычный способ жизни, вырабатывать новые жизненные ориентиры.

Особенно остро и интересно эти изменения обнаруживаются при изучении социального и индивидуального поведения российских женщин.

В отечественной психологии внимание к изучению полоролевых различий было минимальным, исследования в области психологии женщин практически отсутствовали. В то же время, отечественные и зарубежные исследования различных форм девиантного поведения (преступность, семейное насилие, жестокое обращение с детьми, виктимность, проституция и др.) давно указывали на необходимость и важность психологических исследований в этой области.

Так, по данным статистики МВД, сохраняется устойчивая тенденция возрастания преступных посягательств со стороны женщин. В 1995 году их привлечено к ответственности на 26.4% больше, чем в 1994 году, а удельный вес женщин среди преступников составил около 15%. За период с 1991 по 1995 годы выросло число женщин, совершивших насильственные преступления (умышленные преступления – с 1422 в 1992 году до 3250 в 1995, умышленное нанесение тяжких телесных повреждений – с 2111 в

1994 году до 5642 в 1995), отмечается рост детоубийств, жестокого обращения с детьми.

Наш ретроспективный анализ условий семейного воспитания преступников показал, что более 16% матерей будущих преступников были пьяницами и алкоголичками, в 40% семей практиковались скандалы с рукоприкладством.

Важно отметить значительные различия между семьями насильственных и корыстных преступников. Так, у корыстных преступников матерей-пьяниц было 4.2%, а у насильственных – 15.4%. В семьях насильственных преступников дети в 7 раз чаще ощущали равнодушие к себе, понимали, что ими тяготятся, т.е. являлись жертвами эмоционального насилия. Большинство насильственных преступников отмечают, что в детстве их подвергали физическим наказаниям (30.4% говорят, что их избивали периодически или постоянно, а 17.7% отмечают, что избивали сильно).

Известно, что в 80-х годах СССР занимал одно из первых мест в мире по уровню занятости женщин. Особенно высок этот уровень был в европейской части страны. При этом большинство женщин трудилось на «непрестижных», малооплачиваемых должностях (средняя зарплата женщин в СССР была ниже, чем у мужчин). Многие из них были заняты на тех должностях, где женский труд запрещен законодательно (ночные смены, вредные условия). В силу ряда причин, в том числе и семейных, многие женщины были заняты в тех сферах трудовой деятельности, где был возможен режим неполной занятости, гибкий график. Поэтому был велик удельный вес женщин-учителей, воспитателей, медицинских и научных работников. Женщины составляли 40% научных работников, 36% инженеров, 50% представителей мира искусства.

Семья на пороге третьего тысячелетия

В настоящее время все более отчетливо обнажился существовавший и ранее разрыв между правовыми возможностями женщины и реальной ситуацией ее жизнедеятельности. Так, социальные льготы, предоставляемые женщинам, имеющим малолетних детей (отпуск по уходу за ребенком до трехлетнего возраста, с сохранением рабочего места, оплачиваемый бюллетень в случае болезни ребенка и т.п.), делают их наиболее экономически «невыгодной» для работодателя категорией работников и резко повышают уязвимость молодых женщин в условиях безработицы. Простой предприятий, обесценивание денег, невыплата зарплаты сильно отразилась на всех категориях работающих женщин. Многие женщины стали «челноками», мелкими посредницами, сели продавщицами в ларьки. В числе безработных женщины составляют основную массу. Так, среди обратившихся за 1995 год в Раменский центр занятости населения 5806 человек 58% составляли женщины и больше половины из них имели высшее и среднее специальное образование.

С другой стороны, многие женщины внедряются в бизнес, активно стремятся сделать карьеру в различных коммерческих организациях.

В первом случае (безработица и угроза безработицы) существенно повышается риск ухудшения физического и психического здоровья. Переживания, связанные с тяжелой, неинтересной работой, сменяются ощущением угрозы нищеты, стыда, потери социального статуса. Эти переживания усугубляются, если работа была интересной, нравящейся, престижной.

Возникает конфликт между страхом потерять принадлежность к определенной социальной категории и стремлением вновь завоевать потерянные социальные позиции. Если это не удастся сделать быстро, нарастает разочарование в своих силах и способностях, возникают различные проявления депрессии, снижается способность сосредоточиться, нарастает утомляемость, усталость, появляется тревожность, у некоторых обнаруживается стремление к злоупотреблению медикаментами, алкоголем, повышается риск совершения асоциальных поступков, происходит изменение жизненных ориентаций.

Наши исследования (исследования проводились в 1995 году под руководством автора) показывают, что эти изменения заметно нарастают у людей, не имеющих работу более 7-8 месяцев и усиливаются с возрастом и пониженной стрессоустойчивостью. Наиболее подверженными эмоционально-стрессовым реакциям, с последующим возникновением психосоматических расстройств, являются безработные одинокие женщины, воспитывающие несовершеннолетних детей.

У женщин, стремящихся сделать карьеру в новых социально-экономических условиях, также возникает много новых и трудноразрешимых проблем. Некоторые из них были обнаружены при исследовании нами женщин, работающих в коммерческих организациях и занимающих руководящие должности (руководители и заместители руководителей различных подразделений своих организаций). В исследовании принимали участие 48 человек (78% - замужем, разведены – 11% и незамужем – 11%).

На вопрос о том, где они чаще испытывали стресс на работе или дома – 64% опрошенных ответили, что испытывали стресс на работе, а 36% - дома. Большинство опрошенных женщин боятся своими неверными действиями потерять доверие руководства, их тревожит непосильность заданий, требование выполнить большой объем работы за короткий промежуток времени, неуважительное отношение со стороны руководства, низкий уровень культуры высшего руководства, как в общечеловеческой, так и в управленческой сферах. Одна из испытуемых ответила, что ее «бесит нелепость заданий», боязнь вследствие этого сорваться. Помимо сложных взаимоотношений с руководством, женщин тревожит нестабильность ситуации, недобросовестность и непрофессиональность подчиненных.

В семье у наших обследуемых вызывает тревогу: здоровье близких, материальное неблагополучие, отсутствие возможности уделять должное внимание детям, их будущее, взаимоотношения внутри семьи, остановка в физическом и духовном развитии.

На вопрос: «Что тревожит Вас в себе?» мы получили следующие ответы: «социальная дезадаптация», «состояние здоровья, возрастные болячки», «уменьшение жизненной стойкости», «незнание себя», «чувство неуверенности», «отсутствие состояния влюбленности», «внутренняя зажатость», «легкомысленность», «проявление излишней жестокости».

53% испытуемых на вопрос: «Часто ли вы выходите из себя?» - ответили утвердительно. Результаты психологического обследования показывают, что 46% испытуемых имеют высокие показатели неустойчивости эмоционального состояния.

В исследовании нас интересовало, на ком чаще «срываются» женщины. Оказалось, что 93% - на собственных детях, 51% - на подчиненных, 38% - на мужьях. Дети оказываются самой незащищенной социальной группой, не способной противостоять агрессивным проявлениям родителей. Отметим, что все без исключения испытуемые ответили, что испытывают чувство вины, после того, как агрессия проявлялась по отношению к детям.

Интересно, что 38% опрошенных женщин отметили, что в детстве родители к ним самим применяли физическое наказание, 33% признались, что их ставили в угол, если хотели наказать, с 26% родители отказывались разговаривать.

Феномен женской агрессивности

На вопрос «Кто более агрессивен, мужчины или женщины?», вопреки нашим ожиданиям, 75% опрошенных женщин ответили, что слабая половина более агрессивна.

Процитируем некоторые ответы на вопрос «Отличается ли женская агрессия от мужской? Если «да», то чем?»:

«Мужчины часто пускают в ход руки, женщины свое негодование выражают «колкими» словечками».

«Женская импульсивнее».

«Женская мелочнее, но человечнее».

«Женская менее предсказуема и менее управляема. Может быть скрытой».

«Мужская агрессия проявляется в более жестоких формах».

«Женская агрессия часто возникает от бессилия добиться результата другим способом, а мужская – от нежелания подчиняться».

«Мужская больше зависит от характера, физиологии, а женская – от условий жизни».

«Женская длится дольше и поводом могут быть пустяки».

«Женская агрессия более жестокая и коварная».

«Эмоциональной окраской»

«Женская агрессия скрытая, затаенная, более изощренная в проявлениях, дольше сохраняется».

Таким образом, агрессивное поведение, свойственное женщинам, по ответам наших респонденток отличается: импульсивность (это подтверждается результатами психологического обследования, показавшего, что 38% испытуемых имеют высокие показатели по шкале спонтанной агрессии), выраженная эмоциональная окраска и скрытый (косвенный) характер.

На вопрос: «Назовите основные причины, которые могут вывести Вас из себя» - мы получили следующие ответы: необязательность людей, подлость, несправедливость, усталость, плохая погода, капризы ребенка, непонимание, грубость, несправедливость, неприятности у родных, неприятности у друзей, унижение людей, лень, ложь, несправедливые упреки, замечания в грубой форме, непонимание, хамское отношение, супружеская неверность, обман, безразличие, безответственность, эмоциональная неуравновешенность, агрессия, хамство, бесцеремонность, тупость, ложь, хамство.

Мы приводим разные варианты ответов, чтобы показать широкий спектр причин возникновения агрессивных проявлений.

По отчетам испытуемых в ситуациях, когда с ними не соглашались, они могут поступить следующим образом:

62% - покричат и согласятся. Такая реакция характерна для взаимоотношения с вышестоящим руководством.

95% - все равно сделают по-своему. Это допустимо с подчиненными на работе и с супругом.

5% - могут запустить в несогласившегося первым попавшим под руку предметом. Такой тип реакции характерен в семье.

И, наконец, 10% - могут ударить, но это касается только детей.

Интересные данные о ситуациях, в которых к нашим испытуемым была применена физическая сила. Оказалось, что к 38% применяли физическую силу родители, 52% - супруги, 27% - незнакомые мужчины, когда им приходилось поздно возвращаться домой.

Ощущения испытуемых после применения к ним физической силы носили следующий характер: «обида за свою физическую слабость» - 50% ответов; «желание отомстить» - 22%; «ненависть, ярость» - 16%; «чувство унижения», «страх», «боль», «бессилие» - 11%.

Ответы на вопрос «Подвергались ли Вы сексуальным домогательствам со стороны руководства или сотрудников и в какой форме это происходило – намек, предложение, грубое приставание?» распределились следующим образом: намеки руководства отметили 23% опрошенных, сотрудников – 15%, получали предложения от руководства – 46% опрошенных, от сотрудников – 38%, грубые приставания и от руководства, и от сотрудников отметило по 7% опрошенных.

Ответы на вопрос, какие чувства при этом испытывали опрошенные, были очень разнообразны: «отвращение, раздражение», «смущение», «от

ненависти до омерзения», «удовольствие от осознания своей женской привлекательности», «гнев».

Настораживает тот факт, что 48% опрошенных отметили, что им приходилось применять физическую силу в целях самообороны.

К сожалению, небольшая выборка опрошенных и отсутствие возможности сопоставить полученные данные с аналогичными данными советского периода и периодом начала 90-х годов, несколько снижает доказательность наших выводов, но бесспорным является то, что: а) даже преуспевающие с экономической точки зрения женщины сталкиваются на работе и дома с большим количеством сложных психологических проблем, и б) различные формы проявления насилия и агрессии стали играть значительную роль в жизни современных российских женщин.

Алиса Миллер

Перевод *Кигаи Н.И.*

Политические последствия дурного обращения с детьми

Проблема жестокости и дурного обращения с детьми обсуждается давно и в науке, и в литературе, однако и сегодня общество вряд ли отдает себе отчет в том, насколько широко распространено это явление, какие разнообразные формы оно принимает. Только в последние двадцать лет, благодаря усилиям небольшой группы исследователей и активности прессы, удалось пролить свет на эту сторону жизни. Последствия дурного обращения с ребенком раннего возраста, их воздействие на жизнь уже взрослого человека часто недооценивают и даже оспаривают. Связанные с данной проблемой вопросы часто опускают и замалчивают, вследствие чего она редко бывает заявлена в исторических и антропологических исследованиях. Так, социолог Вольфганг Совски издал внушительный труд по всем формам насилия¹, в котором не рассматривает ни специфику переживания насилия в детском возрасте, ни вообще вопрос о насилии в отношении детей. Книга уделяет значительное внимание проблеме намеренного истязания другого лица, причем автор называет такое поведение «таинственным». На наш взгляд, его легко можно было бы объяснить, если только принять во внимание, что палачи, мучители, организаторы охоты на людей усвоили судьбоносный урок жестокости в раннем возрасте, а потому надежно и надолго.

Другой исследователь, Гольдхаген², также ограничивается феноменологическим исследованием поведения лиц, изъявивших в свое время согласие пытать и убивать людей, и не обращает ни малейшего внимания на особенности их детства. Он подробно анализирует эмоциональные переживания преступников, то есть обращается к проблеме,

¹ Wolfgang Sovsky, *Traktat über die Gewalt* (Tract on Violence). Frankfurt: Fisher, 1995.

² Daniel Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*. New York: Knopf, 1996.

которая до него практически никем не рассматривалась, однако без учета особенностей их воспитания в раннем возрасте поведение преступников все же остается трудно объяснимым, «таинственным». Читатель тщетно пытается найти разгадку. Что заставило почтенных членов общества внезапно перемениться, вести себя чудовищно жестоко? Как мог, например, бывший учитель Клаус Барби и другие ему подобные, оставшиеся в памяти своих дочерей как любящие и заботливые отцы, посылать людей на пытку и даже пытаться их собственноручно? Гольхаген и не пытается ответить на этот вопрос. Он убежден, что причиной всему явился традиционный немецкий антисемитизм. Но это не так.

Гипотеза, будто немецкий антисемитизм явился причиной Холокоста, подвергалась справедливой критике, и главным аргументом служила отсылка к Первой мировой войне. В то время антисемитизм в Германии был так же сильно выражен, как и в тридцатые годы, однако это не привело к геноциду. Не было геноцида и в других странах с выраженными традициями антисемитизма: сошлемся на Польшу и Россию. Сформулированный авторами данной гипотезы довод, будто в Веймарской республике безработица и обнищание населения явились причиной общего недовольства и привели вследствие этого к массовому уничтожению евреев, представляется малоубедительным, поскольку Гитлеру довольно быстро удалось взять безработицу под контроль.

Следовательно, должны отыскаться другие факторы, не принимавшиеся до этого во внимание - факторы, которые помогут объяснить, *почему Холокост имел место именно в Германии, и почему именно в то, а не другое время*. По-моему, одним из возможных действующих факторов здесь является деструктивный стиль воспитания, применявшийся к детям раннего возраста в Германии на рубеже веков. Этот стиль я без колебания могу назвать всеобщим и повсеместным истязанием детей.

Разумеется, и в других странах дети подвергались и подвергаются дурному обращению во имя целей и задач, которые ставят перед собой воспитатели, однако не с такого раннего возраста и не с тем систематическим упорством, что отличали прусскую педагогику. За два поколения до того, как Гитлер пришел к власти, данный метод уже был отработан во всех деталях и применялся по всей Германии. В итоге он заложил надежный фундамент, на котором Гитлер смог построить то, о чем мечтал: «Мой идеал воспитания - жесткость. Все слабое должно быть отсечено. В замках моего военного ордена вырастет молодое поколение, которое вселит страх в сердце всего мира. Безжалостные, искусные, бесстрашные, непримиримые молодые люди - вот что мне нужно. И молодые должны стать такими. Они должны терпеливо сносить боль. В них не должно быть никакой слабости или нежности. Свободный, великолепный хищник должен снова смотреть из их глаз. Я хочу, чтобы они были сильными и красивыми... Тогда я смогу переделать все заново». Программа воспитания, построенная по существу на устранении всего

полезного и необходимого для немецкого ребенка, стала прологом к плану Гитлера по устранению еврейского народа. Более того, она явилась необходимым условием успешного осуществления его замыслов.

Большой интерес представляют многочисленные и широко читавшиеся в то время педагогические трактаты доктора Даниила Готлиба Моритца Шребера, автора концепции знаменитых «шребергэртен», небольших наделов земли, которые раздавали трудящимся Германии. Некоторые его работы выдержали до сорока изданий, и главной их задачей было обучить родителей системе воспитания ребенка с первого дня его жизни. Многочисленные читатели, движимые, как им представлялось, самыми добрыми намерениями, следовали к советам доктора Шребера и других авторов, как наилучшим образом превратить детей в идеальных граждан германского государства. При этом у них не возникало ни малейшего подозрения, что они подвергают своих детей систематическим истязаниям, которые будут иметь долговременные последствия. Немецкие поговорки и лозунги вроде «да здравствует все, что делает нас выносливыми», «что не убьет нас, то сделает сильнее» и т.п. возникли, вероятно, в тот период; их до сих пор можно услышать от педагогов старой закалки.

Мортон Шацман³, обобщая свое впечатление от текстов Шребера, формулирует точку зрения, согласно которой мы имеем в них дело не с методами воспитания, но с инструкцией по последовательному истязанию ребенка. Одно из основных положений Шребера состояло в том, что если младенец плачет, его следует заставить замолчать «любым физически доступным способом». Читателя уверяли, что «к подобной процедуре придется прибегнуть лишь однажды, в крайнем случае дважды, но зато в результате взрослый навсегда станет повелителем ребенка. Впоследствии одного взгляда, одного лишь угрожающего жеста будет достаточно, чтобы полностью подчинить ребенка себе». Прежде всего следовало с первого дня жизни приучать новорожденного к безусловному послушанию и отказу от плача.

Сегодня человеку, получившему хоть сколько-нибудь гуманное воспитание, трудно даже вообразить, насколько безжалостно и неукоснительно придерживался собственной программы сам Шребер. Психоаналитик Вильгельм Нидерленд⁴ в своем исследовании приводит примеры, проливающие свет на то, каким образом осуществляли повседневную практику воспитания в те десятилетия - например, рецепт, как обучить дитя «искусству самоотречения». «Наш метод эффективен и прост: ребенка помещают на колени к няне, которая в это время ест или пьет все, что ей по вкусу. Как бы ни были сильны у ребенка возникающие в этой ситуации оральные потребности, их не следует удовлетворять».

³ Morton Schatzman, *Soul Murder: Persecution in the Family*. London: Alan Lane, 1973.

⁴ William G. Niderland, *The Schreber Case: Psychoanalytic Profile of a Paranoid Personality*. New York: Lawrence Erlbaum Association, 1984.

Нидерленд⁵ цитирует один из рассказов Шребера о происшествии в его собственной семье. Нянька, на коленях у которой сидел один из детей, ела груши и не смогла устоять перед искушением дать ребенку кусочек. Она была немедленно уволена. Известие об этой жестокой расправе вскоре достигло ушей всех нянек в Лейпциге, и с тех пор, пишет Шребер, «мы не встречали более подобного неповиновения, ни в отношении данного ребенка, ни в отношении остальных».

Мозг человека в момент рождения не полностью сформирован. Еще пятнадцать лет назад мы не располагали достаточными данными, чтобы утверждать это. Теперь мы знаем, что возможность мозга развиваться зависит от того, что испытывает ребенок в первые три года жизни. Исследования, проведенные на брошенных или подвергавшихся жестоким истязаниям румынских детях, выявили у них наличие очевидных поражений определенных отделов мозга, а впоследствии - также выраженной эмоциональной и интеллектуальной недоразвитости. Согласно последним нейробиологическим данным, повторная травматизация приводит к усиленному выбросу гормонов стресса, вступающих во взаимодействие с чувствительной мозговой тканью и разрушающих нейроны. Другие исследования показали, что у детей, систематически подвергавшихся дурному обращению, отделы мозга, отвечающие за «управление» эмоциями, на 20-30% меньше по размеру, чем у их благополучных сверстников.

Дети, которых на рубеже веков последовательно приучали к безоговорочному послушанию, подвергались не только физическому «воздействию», но и сугубой эмоциональной депривации. Руководства для родителей, изданные в тот период, называют физические проявления привязанности - поглаживание, объятие, поцелуй - «телячьими нежностями», «дегенеративным слабоволием». Родителей предупреждали о «чудовищных» результатах, к которым приводит избалованность, о несовместимости любого попустительства с воспитанием твердого выносливого характера. В результате дети страдали от отсутствия непосредственного нежного контакта с родителями. Лучшее, на что они могли рассчитывать - найти сочувствие в ком-то из слуг, последние же зачастую использовали ребенка как объект наслаждения, усугубляя таким образом и без того травматическую, эмоционально сложную ситуацию, в которой тот находился.

В пятидесятые годы доктор Харлоу провел исследования на макаках, и с тех пор мы знаем, что животное, вскормленное искусственной матерью-«роботом», вырастает агрессивным и не выражает интереса к собственному потомству. Новые исследования, проведенные на обезьяньих детенышах, показывают, что особи, выращенные без должной заботы, способны убивать даже представителей своего вида. Работы Джона Баулби об отсутствии ранних привязанностей у правонарушителей, исследование

⁵ Ibid., p.98.

госпитализма (Рене Спитц), показавшее, что грудные дети умирают от эмоциональной депривации вследствие госпитализации в особо строгих условиях, говорят нам, что не только животным, но и человеческим детенышам необходим успокаивающий и ободряющий сенсорный контакт с родителями, иначе их социализация не пойдет по нормальному пути.

Данные, опубликованные Баулби и Спитцем сорок лет назад, подтверждаются современными нейробиологическими исследованиями. Они свидетельствуют, что не только при избиении, но и при отсутствии нежного физического контакта с родителями у ребенка остаются недоразвитыми определенные отделы мозга, особенно те, которые отвечают за эмоциональное развитие. Поэтому детям, которых призывали к подчинению «одним только взглядом», был нанесен сильный эмоциональный ущерб, и деструктивный потенциал этой травмы полностью сказался на следующем поколении.

Современные данные помогают понять, откуда возникли такие фигуры, как Эйхман, Гиммлер, Гесс и им подобные. Суровое воспитание в раннем детстве и требование безусловного подчинения подавили в них развитие способности к сочувствию и состраданию при виде страданий другого. Созерцание горя не вызывало у таких людей эмоционального отклика, они оказались на него физически неспособны. Полная атрофия эмоциональности позволила этим палачам, совершившим чудовищные преступления, продолжать в послевоенные годы «нормально» функционировать и производить на окружающих хорошее впечатление услужливостью и работоспособностью, не испытывать ни малейших угрызений совести. Доктор Менгеле проводил в Аушвице свои бесчеловечные «опыты» над еврейскими детьми, а после жил тридцать лет как «нормальный», хорошо адаптированный человек.

В отсутствие позитивных факторов развития, знаков привязанности со стороны других, даже сочувствующего наблюдателя тому, кто испытывает на себе дурное обращение, остается одно: отрицать свое страдание и идеализировать жестокость, со всеми вытекающими из этого разрушительными последствиями. Если ребенок на довербальной стадии развития подвергается особенно унижительному и жестокому обращению, и рядом нет человека, способного проявить сочувствие и оказать помощь, - никого в непосредственном окружении ребенка, кто мог бы критически взглянуть на происходящее и воззвать к гуманности, - ребенок впоследствии станет испытывать восхищение перед жестокостью. Люди, подвергавшиеся жестокому обращению в детстве, часто всю свою жизнь полагают, будто побои не причиняют детям вреда, а телесные наказания полезны, - несмотря на то, что наука располагает убедительными, даже неопровержимыми доказательствами, что это не так. И наоборот, ребенок, которого защищали, любили и окружали нежной заботой, через всю свою жизнь пронесет с собой это богатство.

Бенджамин Вилкомирски, опубликовавший пронзительную, изобилующую поразительными подробностями книгу воспоминаний о

детстве, проведенном в концентрационных лагерях⁶, однажды в частной беседе поведал мне некоторые наблюдения относительно поведения женского персонала этих лагерей. Он рассказал, как потратил пятьдесят лет, чтобы выяснить, кто же на самом деле были эти «суки», что так искренне и так откровенно наслаждались своей работой, мучая и унижая еврейских детей, подвергая их всевозможным видам моральных и физических истязаний.

Знакомясь с судебными стенограммами, он к полному своему изумлению обнаружил, что большинство лагерных надзирательниц составляли молодые женщины в возрасте от девятнадцати до двадцати одного года, имевшие до того ничем не примечательную работу, швей-мотористки или продавщицы. Биографии их также не были отмечены ничем из ряда вон выходящим. На суде они все как одна заявили, будто не подозревали, что еврейский ребенок - человеческое существо. Первое, что тут приходит в голову: пропаганды и манипуляции достаточно, чтобы превратить обычных людей в садистов, палачей и ненасытных убийц.

Но я придерживаюсь другого мнения. Совсем наоборот. Мое убеждение таково, что только мужчины и женщины, сами подвергавшиеся моральной и физической жестокости в первые недели и месяцы жизни и не видевшие ничьей любви, могли позволить превратить себя в ревностных исполнителей воли Гитлера. Как свидетельствуют архивные материалы, которые цитирует Гольдхаген, идеологической муштры им вовсе и не требовалось, потому что на уровне бессознательном, телесном истязатели давно знали, чего им хочется, и ждали только разрешения следовать собственным глубинным побуждениям. Когда евреи, и молодые и старые, были объявлены «недочеловеками», ничто уже не могло остановить немца в желании осуществить эти побуждения. С другой стороны, никакая идеологическая обработка, в школе или где бы то ни было еще, не может породить ненависть в человеке, не имеющем к этому внутренней предрасположенности. Нам известно, что были и другие немцы - Карл Ясперс, Герман Гессе, Томас Манн - которые немедленно распознали в объявлении евреев «недочеловеками» сигнал тревоги, угрожающий рокот нарастающей волны разнузданного варварства, призыв дать волю жестокости.

Люди, подобные лагерным надзирательницам, пережившие в период раннего детства сильные эмоциональные потрясения, восприняли этот призыв как удобный предлог для того, чтобы, наконец, потешиться вволю. Им даже не нужно было особенно стараться: достаточно отказать детям в воде для мытья, и сразу получишь оправдание для ненависти, потому что они черные и грязные. Можно кинуть умирающим от голода узникам несколько кусков сахара и презирать их за то, как поспешно и жадно они подбирают лакомство с земли. Молодые надзирательницы были вольны превращать детей в то, чего требовало их властолюбие, и срывать на своих

⁶ Benjamin Wilkomirski, *Fragments: A Childhood 1939-1949*. New York: Knopf, 1995.

беззащитных жертвах бессознательный, многие годы дремавший гнев. Так же поступали и другие их сверстники.

Несмотря на перенесенные в детстве страдания, эти существа долгое время не демонстрировали никаких признаков причиненного им ущерба. Многие из них по видимости превращались в нормальных, хорошо адаптированных молодых женщин и мужчин. Но рано или поздно все обнаруживалось. Обычно одним поколением позже, когда дети, испытавшие дурное обращение, сами становились родителями и начинали поступать со своими детьми так, как когда-то поступали с ними, не испытывая чувства вины. Это ведь было единственное, что они умели и знали после того, как вытеснением и отрицанием «победили» собственную боль.

Рассмотрение случаев дурного обращения с детьми заставляет нас признать удивительный факт: родители наказывают детей и лишают их заботы таким же образом, как некогда наказывали и лишали заботы их самих. Взрослый не помнит, через что ему пришлось пройти в детстве. Например, в случаях сексуального посягательства на ребенка преступник, как правило, не имеет сознательного представления о раннем периоде своего детства, а если такое представление у него есть, то не имеет контакта с чувствами, которые вызвало у него то или иное событие. Только в процессе терапии - при условии, что она ему предложена - правда выходит на поверхность: в своем поступке он отыгрывал то, через что сам прошел в детстве.

Я могу объяснить этот факт единственным образом: информация об испытанной в детстве жестокости в бессознательной форме сохраняется и накапливается в мозге человека. Сознанию ребенка невозможно вместить опыт подобного обращения со стороны взрослых. Чтобы не разрушиться под воздействием боли и страха, он должен вытеснить знание о них. Однако бессознательное содержание памяти толкает его к тому, чтобы воспроизводить вытесненные сцены снова и снова в попытке (и в тщетной надежде) избавиться от страха, который родили в нем жестокость и издевательства. Жертва создает подобные прошлым ситуации, но на этот раз берет на себя активную роль, чтобы побороть чувство беспомощности и избавиться от бессознательной тревоги.

К сожалению, подобное «освобождение» не приводит к желаемым результатам. Если следы прошлого остаются вне сознания, они не стираются. Опять и опять выходит преследователь на поиски новых жертв. Но, проецируя ненависть и страх на «козлов отпущения», он не может установить контакт с теми чувствами, от которых стремится освободиться. Слепая ненависть, которую он обрушивает на невинную жертву, может развеяться только тогда, когда он поймет истинную причину своего гнева, осознает свою естественную реакцию на пережитое. Тогда ненависть, которой он пытался защититься от правды, ему больше не понадобится. Если человек, совершавший сексуальные преступления, проработает

историю своей жизни в курсе терапии, ему не будет более грозить деструктивное отыгрывание полученных в детстве травм.

Что такое ненависть? Возможно, это последствие гнева и отчаяния, которые не могли быть осмыслены ребенком, ставшим жертвой дурного обращения и небрежения прежде, чем он научился говорить. Пока гнев, объектом которого является мать или другой замещающий ее взрослый, остается неосознанным или отрицается, он не может исчезнуть. Поэтому будет существовать необходимость выместить его на самом себе или на замещающих объектах - на «козлах отпущения», которыми могут стать собственные дети или предполагаемый враг. Если внимательно вслушаться в крик младенца, можно понять, какое сильное чувство стоит за этим криком. Ненависть может выполнять роль защиты, средства выживания перед лицом ужаса и беспомощности.

Исследования, попавшие в поле моего зрения в 1980-х и процитированные мною в книге «Ради твоего блага»⁷, подтвердили сформулированную ранее догадку. И в нацистской Германии, и среди американских солдат-добровольцев во Вьетнаме, большинство совершавших самые вопиющие военные преступления лиц составляли те, кто подвергался жестокому обращению в детстве. Дальнейшее подтверждение гипотеза нашла в исследовании биографий тех немногочисленных мужественных людей, что укрывали и спасали от гибели своих сограждан во время террора.

Почему эти люди оказались такими смелыми, зачем рисковали жизнью, спасая евреев от преследования нацистов? Многие ученые пытались ответить на этот вопрос. Как правило, объяснительная модель не выходила за рамки рассуждения о религиозных и моральных ценностях, христианском милосердии, чувстве ответственности, воспринятых от родителей и учителей. Однако нет никаких сомнений, что и пассивные наблюдатели, и активные сторонники уничтожения евреев также получали в детстве религиозное воспитание. Поэтому мы не можем счесть данную модель удовлетворительной.

Я была убеждена, что должен отыскаться ключевой фактор в истории детства этих людей, некая особая семейная атмосфера, в которой они росли, сделавшая их первые впечатления фундаментально отличными от тех, какие выпали на долю будущих военных преступников. Долгое время мне нечем было подкрепить свою гипотезу. Многие годы я пыталась найти книгу, в которой содержались бы необходимые мне сведения. Наконец, благодаря помощи Ллойда де Моза, я отыскала эмпирическое исследование супругов Олинер, «Альтруистическая личность: защитники евреев в нацистской Европе»⁸, основу которого составили 400 интервью свидетелей того мрачного времени. В нем моя гипотеза нашла подтверждение. Вывод исследования состоял в том, что единственным отличием спасителей евреев

⁷ Alice Miller, *For Your Own Good*.

⁸ Samuel P. And Perl M. Oliner, *The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe*. New York: Free Press, 1988.

от преследователей и пассивных наблюдателей было то, каким образом с ними обращались родители.

Практически все герои исследования сообщили, что родители воспитывали их посредством убеждения, а не побоев. К ним редко применяли телесные наказания и только в тех случаях, когда был совершен серьезный проступок, а не потому, что у родителей возникла потребность в разрядке необъяснимого и неподконтрольного им чувства гнева, который удобно было сорвать на ребенке. Например, один человек вспомнил, как его нашлапала за то, что он повел младших детей на лед замерзшего озера и тем самым подверг опасности их жизнь. Другой рассказал, что отец ударил его один раз в жизни и после попросил прощения. Общий лейтмотив рассказов был примерно следующий: «Мать всегда старалась объяснить мне, в чем я не прав и почему. Отец тоже часто и подолгу со мной разговаривал. То, что он говорил, всегда производило на меня глубокое впечатление».

Рассказы военных преступников и пассивных наблюдателей звучат совсем по-другому: «Отец, когда напивался, сразу хватался за ремень. Я никогда не знал, за что меня бьют. Часто он избивал меня за что-то, что я сделал много месяцев назад. А когда у матери бывало плохое настроение, она могла каждого, кто встанет у нее на пути, в клочья разорвать, включая и меня».

В отличие от бесконтрольного аффективного поведения, которое кажется субъекту оправданным исключительно в силу интенсивности собственного переживания, попытка родителей объяснить ребенку, в чем он не прав, равносильна выражению уверенности в его добрых намерениях. Подобное действие вытекает из уважения к ребенку, веры в его способность развиваться и сознательно контролировать собственное поведение.

Люди, ощущавшие в детстве сочувствие и поощрительную поддержку взрослых, легко перенимают свойства своих родителей - самостоятельность и способность к эмпатии. Общим свойством всех героев исследования была уверенность в себе, способность быстро принимать решения, отзывчивость и сострадание к другим. Семьдесят процентов респондентов сообщили, что им потребовалось лишь несколько секунд, чтобы принять решение действовать. Восемьдесят процентов опрошенных сказали, что ни с кем не советовались прежде, чем принять решение. «Я просто должен был сделать это, я не мог оставаться в стороне и наблюдать, как творится произвол».

Подобную установку, называемую во всех культурах благородством, ребенок не усваивает из красивых слов. Если поведение, которое демонстрирует воспитатель, противоречит его словам, если ребенка бьют во имя «духовных ценностей», что и по сей день наблюдаем в некоторых приходских школах, тогда высокие чувства взрослых останутся не воспринятыми или даже спровоцируют в ребенке гнев и буйство. Повзрослев, такой ребенок станет, возможно, изображать соответствие полученным высоконравственным наставлениям, а впоследствии, возможно, и бездумно воспроизводить их, но не применит их на практике,

потому что не имел перед глазами живого примера, которому мог бы следовать.

Мартин Лютер был умным и образованным человеком, однако ненавидел евреев и призывал родителей пороть детей. Не извращенец и не садист подобно гитлеровским палачам, за 400 лет до прихода Гитлера к власти он уже давал немцам эти деструктивные рекомендации. Эрик Эриксон пишет в биографическом исследовании, что еще до того, как Лютера стали бить отец и учитель, его сильно избивала мать. Лютер уверовал, что наказание пошло ему «на пользу», и в этом нашел оправдание своим взглядам. Если родители поступают подобным образом, значит, каждый должен мучить того, кто слабее - этот урок напечатлелся на самом теле юного Лютера и оказался куда действеннее, чем заповеди блаженства и основа христианской нравственности - любовь к ближнему и сострадание к слабому.

На подобные случаи ссылается и Филип Гривен, автор поучительной книги «Пожалейте ребенка»⁹. В ней он цитирует американских церковных деятелей обоего пола, рекомендующих сильно бить детей с первых месяцев жизни, поскольку «именно такой урок оставит неизгладимый след в памяти ребенка и окажется усвоенным на всю оставшуюся жизнь». К несчастью, они правы. Эти чудовищные деструктивные тексты, сбившие с толку стольких родителей, сами по себе являются бесспорным доказательством того, какое долговременное действие имеют телесные наказания. Написать такое могли только люди, сами подвергавшиеся в детстве безжалостному избиению и идеализировавшие впоследствии свои мучения. К счастью, в США эти книги не переиздавали по сорок раз.

У животного, на которое напали, есть альтернатива: драться или убежать. Но у младенца, ставшего объектом агрессивного поведения ближайших родственников, такого выбора нет. Поэтому естественная реакция оказывается отсроченной, иногда на десятилетия, пока не сработает на том, кто слабее. Объектом подавленных эмоций становится любое меньшинство. В каждой стране выявляется своя жертва. Однако причина самой ненависти одна и та же, независимо от границ.

Мы знаем, что Гитлера в детстве мучил, унижал и дразнил отец, и мать никогда не старалась ему в этом помешать¹⁰. Нам известно также, что Гитлер отрицал свои истинные чувства к отцу. Таким образом, нам становится очевиден источник его ненависти. Я проделала исследование, стараясь проследить истинные мотивы, определившие умонастроения не только Гитлера, но и других диктаторов. Во всех случаях я выявила последствия ненависти к отцу, оставшейся неосознанной не только потому, что ненавидеть собственного отца строгой запрещено воспитанием, но и потому, что ребенку в целях самосохранения необходимо иметь иллюзию,

⁹ Philip Greven, *Spare the Child: The Religious Roots of Punishment and the Psychological Impact of Physical Abuse*. New York: Knopf, 1991.

¹⁰ Alice Miller, *For Your Own Good*. New York: Farrar, Straus, 1984; *Breaking Down the Wall of Silence*. New York: Penguin, 1997.

что у него хороший отец. Ненависть позволялась только по отношению к другим объектам, и уж тогда изливалась совершенно беспрепятственно. Гитлер вряд ли нашел бы такую поддержку в массах, если бы «воспитательные приемы», которые он испытал на себе в детстве, а также их калечащие последствия, не были широко распространены в Германии и Австрии.

Однако причины специфического отношения Гитлера к евреям можно проследить еще дальше, задолго до его рождения. Бабушка по отцу в молодости служила в доме купца-еврея в Граце. Вернувшись на родину, в австрийскую деревню Браунау, она родила сына Алоиза, впоследствии отца Гитлера, и в течение четырнадцати лет получала от семьи в Граце деньги на воспитание ребенка. История эта, воспроизведенная во многих биографиях Гитлера, ставила его семью перед дилеммой: они хотели бы отрицать, что молодая женщина родила от кого-то из еврейской семьи, самого купца или его сына; однако тогда невозможно становилось объяснить, почему еврей в течение четырнадцати лет выплачивал ей алименты без всякой на то причины. В подобную щедрость со стороны еврея обитателям австрийской деревни верилось с трудом. Таким образом, семья Гитлера оказывалась перед неразрешимой задачей: создать версию, начисто избавляющую их от «бесчестья».

Для Алоиза Гитлера, росшего в антисемитском окружении, сама идея, что он, возможно, наполовину еврей, была непереносима. Все почести, которые он снискал за долгие годы таможенной службы, не могли упразднить глубоко запрятанного гнева, вызванного позором и унижением, выпавшими на его долю не по его вине. Единственное, что он мог делать вполне безнаказанно - вымещать свою ярость на сыне Адольфе. Судя по воспоминаниям Анджелы, дочери Алоиза от первого брака, отец безжалостно избивал сына каждый день. В попытке избавиться от пережитого в детстве кошмара, сын развил маниакальную идею, будто способен истребить еврейскую кровь не только в себе, но также в Германии и во всем мире. Вплоть до самой своей смерти в бункере Гитлер оставался жертвой этой бредовой идеи, потому что всю его жизнь ужас, который внушал ему отец, наполовину еврей, оставался вытесненным и запертым в бессознательном.

Я изложила свои соображения в книге «Ради твоего блага». Многие потом говорили мне, что находят мои выводы неудовлетворительными и недостаточными для объяснения действий Гитлера. Действия - нет, но его бредовые идеи это, с моей точки зрения, объясняет. А идеи явились по меньшей мере основанием для действий. Я вполне могу представить его мальчиком, дающим себе клятву отомстить «жидам» - этим угрожающим ему лично и цивилизации монстрам, порождениям уже тронутого болезнью воображения. На сознательном уровне Гитлер, возможно, полагал, что мог бы жить счастливо, если бы «жид» не вверг его бабку в бездну позора, от которого пострадала вся семья. И это могло оправдать в его глазах жестокое обращение со стороны отца, который сам оказывался жертвой

всесильного порочного еврея. Обозленному, сильно дезориентированному ребенку требуется сделать всего один шаг, чтобы прийти к мысли: всех евреев следует уничтожить.

И не только евреев. Совместно с семьей Гитлер долгие годы проживала больная шизофренией тетка Иоанна, чье непредсказуемое поведение, судя по имеющимся публикациям, сильно пугало ребенка. Повзрослев, Гитлер приказал истребить всех калек и сумасшедших, чтобы освободить Германию от этого «балласта». Германия, судя по всему, символизировала для него невинное дитя, которое следовало спасти. Поэтому он хотел оградить нацию от ужасов, которые выпали в детстве на его долю. Абсурдно? Вовсе нет. С точки зрения бессознательного подобная символизация может выглядеть нормальной и вполне логичной.

Отец и тетка внушали страх, но проблематичными были и отношения с матерью, забитой, подавленной и пребывающей в постоянном ужасе от диких выходок мужа женщиной. Она называла супруга «дядюшка Алоиз» и терпеливо и безропотно сносила все его издевательства. Первые трое ее детей умерли во младенчестве, Адольф выжил. Легко можно вообразить, насколько молоко, которым его вскармливали, было «отравлено» материнскими страхами. Младенец впитывал и молоко, и страхи, однако не мог этих страхов ни понять, ни интегрировать. Эти иррациональные страхи, столь очевидные для каждого, кто посмотрит видеозаписи публичных выступлений Гитлера, оставались непризнанными и неосознанными до самого его конца. Однако, существуя в нем, они постоянно толкали его на новые и новые деструктивные действия, на постоянные попытки найти для себя выход.

У всех тиранов, биографии которых изучала, я обнаружила параноидные бредовые образования, связанные с особенностями их жизни в раннем детстве и вытеснением полученного в этот период опыта. Мао регулярно порол отец. Послав на смерть 30 миллионов человек, диктатор вряд ли осознал в полной мере гнев, который испытывал по отношению к своему родителю, суровому учителю, пытавшемуся битьем «сделать мужчину» из своего сына. Сталин обрек на страдания и смерть миллионы людей, потому что даже на вершине власти его преследовал инфантильный бессознательный страх беспомощности, определивший все его действия. Его отец, бедный сапожник, напивался и избивал сына практически каждый день. Мать, обладавшая определенными психотическими чертами, была совершенно не способна защитить сына и проводила целые дни либо в церкви за молитвой, либо в доме священника, помогая по хозяйству. До конца свой жизни Сталин идеализировал родителей и мучился от страха перед опасностями, которые давно уже ему не угрожали, но все еще существовали в его спутанном воображении.

То же можно сказать и о многих других тиранах. Меньшинства, на которые они направляли свою ненависть, и рационализации, оправдывавшие их действия, были в каждом случае иными, однако основная причина ненависти была одной и той же. Идеология служила

прикрытием для истинных мотивов и для паранойи. Массы откликались на призыв, потому что также не отдавали себе отчета в мотивах, чужих и своих собственных. Инфантильные фантазии мести, возникающие у отдельных людей, не привлекли бы в исторической перспективе большого внимания, если бы общество раз за разом не предоставляло им с такой готовностью повод и средство для реализации.

Разумеется, отсылки к Шреберу и его методике недостаточно для того, чтобы объяснить историю Холокоста. О ней написано бесчисленное количество книг, и все-таки грандиозный масштаб этого преступления до сих пор нельзя охватить умом. Чтобы хоть что-то понять, нужно проделать еще много работы. Попытка построить объяснение вокруг одного фактора может привести к чрезмерному упрощению концепции. Слишком многие вещи остаются вне рассмотрения. К тому же, такое одностороннее объяснение может привести к оправданию преступников - мы решим, что они больны и потому не несут ответственности за свои поступки. Никакое воспитание, даже самое жестокое, не дает лицензии на убийство. Однако рассуждения о генетической предрасположенности нас тоже не могут удовлетворить. Почему в Германии за 30 или 40 лет до Холокоста родилось столько детей именно с такой генетической предрасположенностью? Ни один генетик пока не ответил на этот вопрос.

Унижения и пытки, которым на рубеже веков подвергали младенцев и детей (и которые их родители считали всего лишь воспитательной мерой), являются тем не менее важным элементом в сложной конstellации событий и обстоятельств. К сожалению, элементом, долгое время ускользавшим от внимания исследователей. Причиной здесь может быть табу, которым в принципе окружено все, относящееся к детству. Забота о будущем должна заставить нас вести себя более трезво и прагматично, нарушить любые табу и изучить наконец эту запретную область.

Недостаточный учет фактора детства и детского опыта в общем контексте изучения насилия часто приводит к неубедительным и неудовлетворительным выводам, а то и просто уводит исследователя в сторону, не давая увидеть корень проблемы. Абстрактный термин “антисемитизм” вмещает бесчисленное количество смыслов и часто затрудняет понимание сложных психологических процессов, стоящих за самим явлением. Эти процессы следует описать и назвать. Только таким путем можно надеяться что-то изменить.

Необходимо провести тщательное сравнительное исследование методик воспитания сегодня и в прошлом. Это откроет перед нами новые перспективы и позволит создать иной, более здоровый подход к воспитанию ребенка. Информация о методах воспитания и их последствиях, которой мы располагаем, должна стать доступной родителям. Если они усвоят эту информацию, им будет легче уважать, понимать, поощрять и любить своих детей, учиться у них.

Однако работа для будущего не может проходить в изоляции от попытки осмыслить нашу историю во всех ее проявлениях, нас как

индивидов и нас как общества. Труд, начатый Ллойдом де Мозом и его коллегами, является первой попыткой понять историю психологически, во всяком случае первой последовательной попыткой такого рода. История воспитательных приемов может осветить те опасности, которые навлекает на себя общество, закрывая глаза на проблему развития и воспитания ребенка. Изучение детей от рождения до трех лет, которое исследователи ведут в настоящий момент, может помочь нам избавиться от некоторых заблуждений. Оно побудит ученых чаще задавать себе вопрос, впервые сформулированный Ллойдом де Мозом: «Что чувствует младенец, когда его подвергают жестокому обращению, когда у него нет даже сострадающего свидетеля?». К сожалению, раннее детство людей, чьими руками творилась массовая бойня в Руанде, не стало еще предметом психологического и социологического изучения. Если любознательный исследователь заинтересуется, в какой атмосфере проходило раннее детство убийцы, возможно, ему удастся что-то объяснить.

Алиса Миллер

Перевод *Кигаи Н.И.*

Открытое письмо всем ответственным политическим деятелям

Согласно газетным сообщениям, правительство Великобритании намерено принять закон, запрещающий родителям наносить детям удары по голове или при помощи вспомогательных объектов, но оставляющий за ними право на шлепки и оплеухи, независимо от возраста ребенка. Я считаю необходимым обратиться с открытым письмом ко всем вам, потому что применение физических мер воздействия в воспитании детей имеет серьезные политические последствия, хотя немногим пока очевидна эта связь между причиной и следствием.

Сегодня, на заре нового тысячелетия, вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что нам следует унижать детей, дурно с ними обращаться. Тем не менее, большинство родителей все еще считает, что шлепок - эффективная и безвредная мера воздействия. Широко распространенное убеждение, будто ребенку можно объяснить, «что такое хорошо и что такое плохо» при помощи шлепка, старо как сама культура. И все же новейшие исследования показывают, насколько оно ошибочно. Наносимый ребенку удар - всегда унижение, воспроизведение практики рабства. С воспитательной точки зрения это неэффективная мера воздействия, поскольку вызывает в ребенке страх, а ни одно существо не может обучиться подобающему поведению в состоянии испуга.

Дети, и это важно, хорошо обучаются на примере взрослых. Шлепая их, мы учим их не тому, что имеем в виду, а насилию, невежеству и лицемерию. Ребенок быстро научается поступать так, как когда-то научились поступать мы сами: сначала подчиниться более сильному,

проявить послушание из-за страха, подавить в себе болезненное чувство унижения. Затем, примерно через двадцать лет, прикрыть собственную слабость насилием, оказаться неспособным к миролюбивому поведению, придти к убеждению, что детей нужно шлепать для их собственного блага. Они отвергнут все логические доводы, называя их «излишними нежностями», начнут бить собственных детей (или наносить вред самим себе) без сомнения, без сожаления. Внутреннее усилие, предпринимаемое ими с тем, чтобы заглушить испытанные в детстве страдания, станет основным препятствием на пути к пониманию: избиение является унижением для ребенка в любом возрасте. Исправить подобное положение дел может только закон, запрещающий родителям применять какие бы то ни было формы физического воздействия к детям. Только это может открыть им глаза.

Если спросить взрослого человека, почему его били в детстве, он не найдет убедительного ответа, разве что скажет: «Я был противным мальчишкой (девчонкой), выводил родителей из себя, они были сыты по горло моим плохим поведением». Ему редко придет на память конкретный инцидент, какой-либо поучительный момент, потому что он был слишком напуган, чтобы запоминать. Однако теперь он старается, вопреки всякой логике, заставить своего трехлетнего ребенка запомнить урок, преподаваемый в виде шлепков. К несчастью, многие политические деятели совершают ту же самую ошибку. На уровне теории они отвергают идею рабства, однако все еще не могут до конца понять, что каждый ребенок должен находиться под абсолютной защитой закона.

Мы не можем винить поколения наших отцов и дедов за то, что они завещали нам неверную педагогическую идею, поскольку в их время не существовало такой информации, которая могла бы показать ошибочность этой идеи. Но у нас сегодня такая информация имеется. Мы не сможем сделать невинное лицо, когда последующие поколения станут обвинять нас в том, что мы отвернулись от информации, которая была доступна нам и проста для понимания. Сегодня родители не могут более настаивать на своем безграничном праве ничего не знать, не может этого делать и отвечающее за свои действия правительство. Последние научные данные должны быть приняты ими во внимание. Изменения в мозге подвергавшегося избиениям ребенка сегодня можно продемонстрировать на экране компьютера.

Насилие в отношении ребенка рождает в итоге склонное к насилию, больное общество. Настоящая власть отказывается от унижения как средства воздействия. Ее средства управления обществом - обсуждение и понимание, доверие, уважение, защита слабых. Она даст ребенку защиту и помощь, и когда он вырастет, то превратится в ответственного взрослого, которому чужды будут месть, война и диктатура, который захочет вернуть другим то, что сам когда-то получил от своих воспитателей: защиту и уважение.

Улла Бьернберг
Перевод Кигай Н.И.

**Любовь и обязательства в новом тысячелетии.
Разнообразие тенденций. Маркетизация и рационализация
повседневной жизни**

В новом тысячелетии, как и в предыдущем, мы становимся свидетелями драматических изменений в мире и в обществе. Наиболее легко распознаваемое изменение - растущая маркетизация. Примером ее могут служить образующие новые технологические инфраструктуры мобильные телефоны, информационный бизнес и интернет. При этом большие группы людей оказываются исключенными из основного потока развития. Не в последнюю очередь я думаю в этой связи о женщинах и юных девушках, которые используются как рабыни на быстро развивающемся рынке сексуального бизнеса.

Наш способ мышления, наши нормы и ценности, разумеется, не остаются незатронутыми этими новыми явлениями. Последние оказывают глубокое влияние на повседневную жизнь и создают новые обстоятельства, заставляющие нас искать способы управлять социальными отношениями. Но темп изменений стремителен. Мы чувствуем, что должны адаптироваться быстро и действовать рационально. Нас вынуждают держать эмоции «на длинном поводке». То, что действительно имеет значение - это работа и бизнес. Ускорение темпа в работе затрагивает почти все категории работающих. Профессиональная сфера начинает управлять остальными жизненными сферами. Везде действуют критерии скорости, эффективности и опосредованности.

В своем выступлении я буду говорить об обязательствах, касающихся частной и профессиональной жизни. При этом я отталкиваюсь от двух книг, заслуживших международное признание. Первая, написанная американкой Арли Хохшильд, посвящена борьбе за определение приоритетов в профессиональной и частной жизни. Речь идет о том, каким образом дом и семья все более маргинализируются в современном обществе. оплачиваемая работа становится важнее, чем обязательства по отношению к дому и семье, и даже больше - рабочее место становится вторым домом для человека, а реальный дом превращается как бы в рабочее место.

Вторая книга посвящена любви и интимным отношениям. Ее автор, Энтони Гидденс, утверждает, что романтическая любовь как основа для вступления в брак и создания семьи, отступает в прошлое.

Я попытаюсь также показать, как связано семейное насилие с пониманием любви и семейных обязательств, предложенное этими авторами. Разумеется, насилие связано также с порнографией и проституцией, то есть с расширяющимся рынком сексуальных услуг.

Профессиональная жизнь и дом - по направлению к товарной этике

Американская исследовательница Арли Хохшильд написала острую и провокационную книгу об обязательствах по отношению к работе и дому. В ней она указывает на тенденцию растущей маргинализации дома и семьи в современном американском обществе. Современные компании, которые она изучила, предлагают целую систему уступок и льгот, помогающих примирить работу и семейную жизнь. Результаты исследования показали, однако, что работники - и мужчины, и женщины - сравнительно редко идут на заключение соглашений, предусматривающих гибкий график, отпуск по уходу за ребенком и тому подобное, несмотря на политику самой компании. Общим для поведения работников стало стремление работать сверхурочно, постоянно присутствовать в офисе и демонстрировать высокую степень лояльности по отношению к фирме.

Оказалось, что подобная «лояльная ориентация» работников была глубоко укоренена в культуре компаний, которые акцентировали необходимость физического присутствия своих служащих в офисе. Быть на работе - значило «работать» и выказывать высокую степень обязательности по отношению к фирме. Отсутствие на работе интерпретировалось как знак отсутствия такой обязательности.

Лояльность усиливалась политикой фирмы, которая заключалась заботе о работниках. Это касалось расширения возможностей отдыха работников, заботы об их здоровье и других приятных и необходимых вещей. В результате работники начинали чувствовать себя «как дома» - фирма превращалась для них в некую разновидность семьи.

Оттеняемая и подчеркиваемая политикой «заботы», существовала постоянная угроза увольнения - потери работы как следствие рационализации деятельности, сопровождающейся сокращением числа сотрудников. Сигналы, идущие от фирмы, противоположны таким образом, по содержанию, но их цель - заставить каждого работника принять обязательства, сделаться лояльным, чувствовать себя лично ответственным и всегда присутствовать на рабочем месте - была абсолютно ясной.

Отношение к работе остро контрастировало с отношением к детям и дому. Поскольку работа занимает большую часть времени, домашние, семейные проблемы решаются непланово и наспех. Делается лишь самое необходимое, остальное откладывается «на неопределенное время». Ошибки в планировании домашних дел, в уходе за детьми ведут к ссорам, фрустрации и чувству вины в отношении детей, супруга и других родственников. В постоянной нехватке времени становится все более необходимым «покупать» время, освободить себя от «необязательной», поглощающей время работы в приватной сфере. Время становится товаром – тем, что можно продавать и покупать. Стало привычным использовать сферу услуг в ведении хозяйства, включая приготовление пищи, уход за детьми, организацию их досуга, организацию дружеских встреч, дней рождений и т.д. Принципы организации работы компании применяют в

домашней сфере. Мать организует и координирует хозяйственные функции, является, по сути дела, домашним «менеджером».

Время, отданное общению в семье, становится редкостью, а время, уделенное домашним делам, превращается в добродетель. Отдать чему-то время - все равно, что исполнить долг. Время становится объектом торговли в отношениях. Время превращается в своего рода отношения долга. Временные долги в отношении детей и друг друга суммируются. А. Хохшильд утверждает, что тенденция совершенно ясна – дом становится местом, где человек испытывает фрустрацию и неудовлетворенность, в то время как работа становится местом достижения личного удовлетворения и повышения самооценки. Дома люди чувствуют, что ими управляют неподконтрольные им силы, в то время как на работе расширяется пространство личного контроля.

Изменение любви и интимности

Образ тирании времени, описанный Арли Хохшильд на основании анализа результатов ее исследований, контрастирует с описанием процесса трансформации интимности, которое дает Э.Гидденс. В своей книге «Трансформация интимности» он утверждает, что сексуальность, любовь и эротизм в современном обществе организованы вокруг понятия так называемых «чистых отношений». «Чистые отношения» возникают ради них самих, и не имеют целью брак или сожительство. Имеется в виду прежде всего эмоциональное и сексуальное удовольствие, которое несут в себе эти отношения. Гидденс подчеркивает, что интимность требует открытости и сознательного желания совместно строить отношения. Отношения сохраняются до тех пор, пока взаимность приносит удовлетворение. Этот тип интимности не соответствует идеалу романтической любви, согласно которому жена подчиняется мужу и сохраняет преданность ему в течении всей совместной жизни. Романтическая любовь как основа брака и семьи сменяется новым идеалом любви.

В соответствии с идеей Гидденса, романтическая любовь являлась социальной конструкцией, связанной с идеей буржуазной семьи. Образ брака, выстроенного на основе романтической любви, был связан со стабильными пожизненными отношениями супругов. Жизненная стратегия женщины - стратегия экономической зависимости - состояла в том, чтобы выйти замуж и завести семью. Это подразумевало разрыв между публичной и приватной сферами, дом мыслился как жизненный стержень и материнство - как центральная женская роль. Для мужчины существовал так называемый «двойной стандарт»: большая свобода и возможность иметь сексуальные отношения вне брака. Жизненная стратегия мужчины была связана с внесемейной активностью и обеспечением семьи всем необходимым.

Разведение сексуальности и необходимости продолжения рода, произошедшее в 50-е годы, занимает центральное место в анализе

Гидденсом трансформации интимности. Благодаря широкому распространению и доступности контрацепции, сексуальность достигла автономии. Это стало одной из предпосылок сексуальной революции, в которой женщины приобрели сексуальную независимость. Гетеросексуальность перестала быть абсолютной нормой, гомосексуализм перестал считаться преступлением. Начался неотвратимый, по мнению Гидденса, процесс, имеющий значимые последствия с точки зрения формирования общественного нормативного восприятия, регулирующего сексуальность.

В своем анализе трансформации интимности Гидденс утверждает, что идея романтической любви, предполагающая субординацию и продолжающуюся в течение всей жизни взаимную зависимость, начинают терять свою значимость. Идеалы романтической любви увядают и вместо них возникают идеалы «любви-слияния». Это означает, что каждый индивид, отвечая сам за себя, должен в то же время нести ответственность за партнера. Такие отношения требуют эмоциональной открытости друг с другом, готовности к эмоциональному общению и равному «обмену» эмоциями. Неравное распределение власти в отношениях, которое является несущей конструкцией брака, основанного на романтической любви, не подходит для брака, построенного на «любви-слиянии». В таком браке действует уравновешенная взаимность. Супруги остаются вместе до тех пор, пока они чувствуют, что их открытость вознаграждается. Требование отношений «любви-слияния» состоит в том, что оба супруга понимают и поддерживают друг друга, что они могут быть внимательны и в то же время уязвимы - открыты эмоциям.

Реформа этики интимной жизни, описанная Гидденсом, не распространена в повседневной жизни. До осуществления этих идеалов еще далеко. Но Гидденс подчеркивает, что именно женщины стремятся реформировать отношения на основе новых моделей интимности. Он много пишет о том, что мужчины оказываются вне этой тенденции, что многие мужчины сталкиваются с огромными трудностями, когда пытаются приспособиться к новому развитию, поскольку в основе его - освобождение женщины. Гидденс не приводит убедительных эмпирических доказательств в поддержку своих аргументов. Он читает, что формальное сексуальное и экономическое подчинение женщин разрушено. Изменение отношений интимности есть логическое следствие этого.

Рыночная этика повседневной жизни

Как правило, европейцы не узнают себя в описании, предложенном А.Хохшильд и Э. Гидденсом. Тем не менее сдвиги, произошедшие в сфере частной и общественной жизни, признают все. Обоих авторов объединяет то, что они высвечивают тенденции, которые достигли пика на рубеже веков, во всяком случае, у буржуазии, и выразились в отчетливом различении мужской и женской ролей, приватной и публичной сфер. Основываясь на исследованиях Хохшильд по проблемам взаимной

адаптации семьи и работы можно утверждать, что границы между профессиональной и семейной сферами стали нечеткими и что профессиональная сфера «вступила» на территорию семейной жизни, главным следствием чего стало перераспределение времени, затрачиваемого отдельными членами семьи на различные дела и занятия. Можно также сказать, что женщины включились в профессиональную жизнь полностью на «мужских» условиях. Работа дает женщине самодостаточность и самооценку, а дом рассматривается как фрустрирующее, непрестижное рабочее место, что становится особенно очевидно, когда возможен выбор – чем заняться. Эти изменения глубоко затрагивают семью и частную жизнь. В обеих сферах жизни – профессиональной и рабочей – требуется рационализация и эффективность. Профессиональная ситуация, профессиональная жизнь изменяются сегодня во многих западных странах. Я предполагаю, что и в России имеют место подобные изменения. Исследования, проводимые в Швеции, показывают, что в работе преобладают все возрастающая конкуренция и давление в сторону рационализации, повышенные требования к гибкости работника в отношении времени и условий труда. Однако для высокообразованных специалистов, работающих в престижных сферах, с одной стороны, и для менее образованных работников, работающих в остальных секторах экономики, с другой, условия различны. Рабочие организации находятся под прессом сокращения занятости и должны использовать временную рабочую силу, чтобы лавировать на пике производства. Кратковременные трудовые контракты, рассчитанные на выполнение разовых задач, предполагающих ответственность одного работника, в будущем станут еще более распространенными, чем сейчас. Возрастание стресса, связанного с работой, становится вполне осязаемым, и трудности приспособления к работе и дому в условиях нерегулярной занятости тоже возрастают. Исследователи считают, что этот процесс будет только усугубляться.

Хохшильд и Гидденс также указывают на общую, «базовую» небезопасность, которую несет с собой современность. Ни работа, ни семья не обеспечивают сегодня безопасности, поскольку продолжающееся сокращение занятости и перестраивание сферы работы ведут ко все большим пертурбациям в составе работающих и на рабочих местах.

Одновременно возрастающее давление на семейную жизнь приводит к тому, что семья и дом не гарантируют больше безопасности в частной сфере. При этом многие стремятся сократить время общения в семье. В этом состоит великая дилемма современности – взаимные обязательства и отношения близости соседствуют с обманом и давлением.

Исчезает ли семья? Необходима ли она и заинтересованы ли мужчины и женщины в ее создании? Статистика не дает ответа на этот вопрос, но показывает, что формирование семьи и вступление в брак распространено и становится даже более распространенным. Вместе с тем статистика показывает, что формирование семейных пар среди молодых людей сокращается. Жизнь в одиночестве, без партнера становится все

более распространенной, потому что формирование семьи откладывается, а семьи становятся нестабильными и «пробными» - и мужчины и женщины в течение жизни несколько раз вступают в брак или сожительство. Тенденция возрастания числа людей, живущих одиноко, повышения возраста вступления в брак, откладывания рождения детей, уменьшения числа детей, роста числа разводов отмечается в большинстве стран-членов Европейского Союза и в большинстве западных стран вообще. За этими процессами скрываются институциональные изменения, смена взглядов на брак и значение семьи для отдельного человека. В течение первых двадцати лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, экономический риск, связанный с образованием семьи, рождением детей и покупкой дома, уменьшался. В этот период времени безработица была низкой, а пособия на детей и выплаты родителям увеличивались. Стабильные доходы и низкая безработица - равно как и достаточные жилищные субсидии - создали высокий жизненный уровень для большинства семей с детьми. Эта тенденция прекратилась 20 лет назад в европейских странах и 10 - 15 лет назад в Швеции, поскольку именно тогда выросла безработица и снизились социальные выплаты семьям. Таким образом, развитие в период 90-х годов подразумевало, что риск становится частным делом, в то время как ответственность государства уменьшается - не систематически, но количественно, то есть в отношении размера субсидий и числа тех, кто получает субсидии. По сравнению с 60-ми и 70-ми годами, здесь люди столкнулись со значительно возросшим личным риском.

Политические изменения последних десятилетий нашего века диктовались целью больше привязать благосостояние к оплачиваемой работе, снизить регулирующее воздействие государства и предоставить больший простор рынку частных услуг, особенно в области ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми. Такое развитие трактуется как усиление семейных связей, в то время как относительная экономическая независимость полов и поколений, якобы ведет к ослаблению семейных связей. Долг, власть и зависимость заменяются волонтаризмом и обменом. Лояльность зависит от качества отношений. Таким образом, меняется характер семейных связей; это ведет иногда к их ослаблению, а иногда семейные связи становятся крепче.

Возвращаясь к работам А. Хохшильд и Э. Гидденса, я хочу отметить, что оба автора пишут об обязательствах в отношении семьи в современном обществе. Оба автора подчеркивают, что возрастает давление рыночной этики, то есть усиливается фокус на мышлении в терминах обмена и пользы, долгов и требований взаимности в близких отношениях. Этот рыночный способ мышления есть также интегрирующая часть этики «любви-слияния». Согласно идее «любви-слияния», ты получаешь то, что заслуживаешь. Смысл такого обмена может быть выражен следующим образом: «Ты достоин моей любви? Ты достоин до тех пор, пока ты даешь мне так же много, как я даю тебе». Это эхо этики государства всеобщего благосостояния: «Ты должен быть достоин социальной поддержки

государства. Ты должен соответствовать определенному уровню, чтобы рассчитывать на защиту, которую тебе обеспечивает государство, ты должен платить».

Если Хохшильд пишет о том, что рыночные отношения вторгаются в семью, то Гидденс – о новых предпосылках любви, о любви, которая не ждет долговременных обязательств, но основывается на ограниченном во времени удовольствии. Любовь рассматривается как сфера опыта, приспособленная к нынешнему обществу потребления. Современный потребитель хочет покупать опыт. Таким образом, различие между концепциями Хохшильда и Гидденса не столь велико: оба автора пишут о различных формах проникновения рынка в трудовые и межличностные отношения.

Рыночная этика и насилие

По мнению обоих авторов, социальные отношения превращаются во взаимодействие по типу рыночных отношений. Акцент ставится на оценках и калькуляциях: «Что это дает мне? Что я буду от этого иметь, что приобрету? Я даю тебе часть моего времени сейчас и несколько больше позже. Таким образом, я суммирую временные долги». Я полагаю, что подобное развитие отношений содержит большой потенциал насилия. Почему? Потому что долг базируется на доверии и если долг не оплачен, доверие обращается во вред и может превратиться в угрозу. Долг, который не оплачен, может натолкнуться на уменьшение доверия к человеку, который должен вернуть долг, и кредитор тогда будет угрожать или презирать должника. Если человек имеет долги, моральная вина увеличивает его зависимость и способствует виктимизации. Зависимый человек легко превращается в жертву. Для того, кто суммирует долги, разрыв отношений будет сравнительно легок. Я хочу повторить, что в отношениях такого рода таится большой потенциал насилия - виктимизация и насилие. Разрыв отношений - это наиболее легкий выход.

Как говорилось выше, базовый элемент «любви-слияния» и чистых отношений - это равенство между мужчиной и женщиной. Но какое равенство имеется в виду? Зачастую «равенство» строится на «мужских» представлениях о нем. Чтобы быть равной, женщина должна быть, как мужчина: думать как мужчина, вести себя как мужчина. Это ясно показывает в своих исследованиях А. Хохшильд. Но чем больше она становится равной с точки зрения господствующих мужских представлений, тем более она бросает вызов мужской идентичности, статусу мужчины, власти мужчины. Ответ мужчины на этот вызов может быть очень резким. Те мужчины, которые сталкиваются с риском быть побежденными, могут ответить на это насилием. Австралийским социологом Коннелл были описаны различные модели поведения мужчин в ситуации вызова, брошенного их представлению о маскулинности. Необразованные и неработающие мужчины считают, что они непривлекательны на брачном рынке. Безработные мужчины или мужчины,

встретившие женщину, которая занимает руководящую позицию и не нуждается в мужчине, чувствуют вызов одному из базисных элементов маскулинности - мужчина-кормилец, мужчина, имеющий власть благодаря деньгам. Реакцией на это может быть подчеркивание черт «настоящего мужчины», мужественности, противостоящей женственности, презрение к женщинам.

По Гидденсу, чистые отношения, базирующиеся на «любви-слиянии», являются также источником тревоги и мучений. Люди страдают от трудностей, наложенных обязательствами, и от неопределенности: отношения постоянно переоцениваются и нуждаются в подтверждении.

Гидденс утверждает, что мужское сексуальное насилие есть основа сексуального контроля в современном обществе. Он подчеркивает, что большое число случаев сексуального насилия, совершаемого мужчинами, происходит от ощущения ими небезопасности и неадекватности. Порнография, например, есть часть сексуального насилия, она изображает женщину как существо, постоянно ищущее партнера, а мужчину – как сексуально компетентного и потентного потребителя ее сексуальности. Порнография не поддерживает идею «любви-слияния», однако это мультимиллионный бизнес, оказывающий большое влияние на то, как в общественном сознании оказываются связаны любовь, секс и насилие, и дающая образцы поведения мужчинам, женщинам и детям в современном обществе.

Любовь, секс и насилие - порнография, торговля женщинами и проституция

Домашнее насилие - это поведение, которому обучаются. Процесс обучения имеет два аспекта: насильник узнает, что насилие эффективно, из наблюдения и личного опыта. Домашнему насилию обучаются в семье, по телевизору, в обществе. Мужчины учатся использовать насилие для того, чтобы добиваться своих целей. Благодаря физическому нападению или психологической угрозе они создают ситуацию, в которой женщины вынуждены служить их потребностям. Мужчины также используют насилие, чтобы контролировать своих женщин и детей и таким образом получают выгоду их своего поведения. С помощью насилия мужчина ограничивает жизнь женщины той ролью, которую он ей указал. Если он достигает своих целей, то использование насилия как техники получает подкрепление. Домашнее насилие также получает институциональное и неформальное подкрепление в обществе. Важно понимать, что обоснования, которые насильник дает своему поведению, служат тому, чтобы замаскировать или оправдать нападение. Насильник часто пытается оправдать свое поведение, обвиняя жертву: «Я бы не потерял контроль над собой, если бы она меня так не разозлила», «Она действительно это заслужила» или «Я не бил ее сильно, я только ударил ее несколько раз». Насильник чувствует, будто имеет право «дисциплинировать» женщину, будто насилие есть приемлемая форма «мести» за ее поведение.

Насилие связано с любовью и сексом посредством ревности, которая суть форма обладания. В культурном смысле любовь часто уравнивается с обладанием. Обладание – ключевой элемент, приобретающий важное и деструктивное значение в семейной жизни.

Другой способ сближения насилия и любви связан с концепцией сексуальности. В СМИ сексуальность часто подается односторонне: секс продается, обнаженное тело продается. Образы молодых сексуальных женщин и мужчин, распространяемые СМИ, создают установку на сексуальность как то, что потребляется и что можно купить. И наиболее очевидным образом сексуальность и насилие связаны в порнографии и проституции.

Порнография и торговля женщинами превратилась в бизнес мирового масштаба. Примерно 500 000 женщин ежегодно используются с целью торговли в Западной Европе. Я рассматриваю это как нечто в высшей степени проблематичное, в связи с насилием против женщин вообще и домашним насилием, частности. Порно распространено везде, не в последнюю очередь на телевидении и видеофильмах. Порнографические фильмы часто используют сцены насилия. Сильная связь между сексом и насилием пропагандируется через фильмы и этот бизнес. Секс и насилие – привлекательный товар, и они приносят с собой в высшей степени рыночный взгляд на женщину как объект наслаждения, объект контроля.

Физическое и психологическое насилие против женщин и детей – большая проблема нынешнего общества. Не только рост насилия, но принятие насилия и легитимность насилия в высшей степени опасны. Швеция стала первой страной в мире, где родителям запрещено физически и психологически наказывать детей. Этот закон, введенный в 1978 году, был в дальнейшем принят и в других Европейских странах. Дети в Швеции знают, что родителям запрещено бить их и жестоко обращаться с ними. К сожалению, один закон не может прекратить насилие, но он создает норму. Закон есть выражение социальной и культурной нормы обращения с детьми и женщинами. Когда закон был введен, это сопровождалось информацией об альтернативных способах воспитания и о том, почему насилие против детей порождает проблемы, о том, что в результате применения насилия ухудшается интеграция личности ребенка. Ребенок, которого били, продолжает бить. Это процесс легитимизации и воспроизводства насилия, власти – поскольку насилие есть в действительности упражнение во власти. Насилие любого рода против женщин также как и домашнее насилие и изнасилование супругом было объявлено преступлением в Швеции в 70-е годы. Оно было приравнено к любого рода насилию, влекущему за собой тюремное заключение. Это также стало культурной нормой, домашнее насилие серьезно, как и любое насилие, а не то, что можно не заметить или извинить по причине временной потери контроля, алкогольного опьянения или стресса. Для женщин и детей было создано несколько убежищ, и женщинам помогали уйти от супругов-насильников. Дети получили доступ к анонимной телефонной линии неправительственных организаций. Таких

как «Сохрани детей» и «Права детей в обществе». Внутри организации «Сохрани детей» мужчины создали движение против мужского насилия, один из важнейших постулатов этого движения состоял в том, что насилие должно быть остановлено, что использование насилия несовместимо с достоинством мужчины. Несколько подобных движений существуют в других странах. Почему речь идет о мужчинах? Потому что домашнее насилие есть преимущественно мужское насилие против женщин и детей. Международные исследования утверждают, что мужчины ответственны за 95% случаев домашнего насилия.

Швеция стала первой страной, в которой покупка секса рассматривается как преступное поведение. Покупатель секса может быть наказан штрафом. Этот новый закон, и вокруг него идут дебаты, поскольку трудно получить доказательство, что покупка секса имела место. Но с другой стороны, закон выступает в роли культурного послания, что проституция и торговля женщинами есть неприемлемое поведение, что это наносит вред. Одно из главных причин введения этого закона состояла в том, что проституция вредит физическому и социальному здоровью женщин и мужчин. Проституция способствует распространению взгляда на женщину как на объект торговли. Она укрепляет стереотипы гендерного подавления. Это усиливает власть мужчин над женщинами. И, наконец, закрепляет связь между любовью, сексом и насилием не только в обществе, но и в семье.

Мы привели примеры различных способов противодействия насилию. Однако насилие не остановлено. Дурное обращение с детьми возрастает в последние годы. Ежегодно женщины гибнут в результате мужского насилия. Но также очевидно, что закон и пропаганда против насилия приносят плоды. Насилию должно противодействовать в обществе, в семье, в межличностных отношениях. То, как складываются отношения в повседневной жизни, тоже дело демократии.

Катарина Циммер
Перевод *Кигаи Н.И.*

Чувство: первый шаг на пути к знанию

Воспитывая дитя, родители желают, чтобы оно выросло счастливым, умным и достигло успеха в жизни. Сами методы воспитания зависят - и в гораздо большей степени, чем родители это осознают - скорее от принятой в культуре системы убеждений и ценностей, нежели от трезвой оценки действительности, соображений целесообразности и заботы о благе самого ребенка. Подобная ситуация приводит зачастую к трагикомическим последствиям и педагогическим преувеличениям - иная мать день-деньской обучает ребенка говорить «спасибо», не обращая внимания ни на что другое.

Иногда приходится наблюдать, что родители буквально «натаскивают» ребенка, как породистого щенка. Но не это удивительно само по себе: такие люди искренне убеждены, будто то, что они называют «воспитанием» - сумма слов, в которые облачают правила поведения - является решающим фактором в развитии юного существа. «Не трогай это! Сиди тихо! Замолчи! Улыбнись! Скажи «спасибо»! Сколько раз я тебе говорила...! Немедленно иди спать! Садись за уроки!»

Периоду раннего детства всегда отводилась решающая роль в развитии человека, однако концепции воспитания в этот период могли быть разными. В зависимости от культурно-исторической ситуации и социальной среды, большее внимание уделяли либо телесному развитию, либо воспитанию чувств и «дисциплине», либо образованию. Ребенок как таковой не являлся особой ценностью, поскольку детство воспринимали как преходящую - хаотичную и беспокойную - стадию развития на пути становления взрослого. Даже и теперь подобное убеждение упорно удерживается в нашем сознании и бессознательном, как любой поведенческий и перцептивный стереотип, рожденный традицией и культурой задолго до нашего появления на свет.

Действительно ли именно слово делает нас тем, что мы есть?

Известный американский исследователь Гарри Харлоу (1905-1981) проделал серию экспериментов. Он выращивал в одиночных клетках детенышей макак резусов, причем в каждой клетке находилось по две «матери» – два муляжа, имеющих грубое сходство со взрослой макакой: один муляж был проволоочный, второй – обтянут махровой тканью. У проволоочного муляжа был сосок, через который подавалось молоко; у другого муляжа, махрового, такого соска не было. Тем не менее, детеныш макаки проводил большую часть времени, крепко прижавшись к махровой «маме», – в поисках, как это сформулировал Харлоу, «тактильного утешения».

Особенно сильное желание прижаться к махровой «маме» возникало у детеныша, когда тот был испуган (находился в незнакомом помещении, впервые видел издающую громкие звуки механическую игрушку). Он немедленно бросался к ней; к проволоочной матери в таких ситуациях детеныш не приближался никогда, несмотря на то, что она «давала» молоко.

Далее Харлоу показал, что маленькие дети ведут себя точно так же, когда пугаются новой ситуации, странного предмета или страшного человека. Они могут постепенно приближаться к объекту, вызывающему одновременно любопытство и страх, только если имеют возможность в любой момент быстро вернуться к матери, их «базе безопасности» (термин, предложенный британским психиатром, автором оригинальной теории детского развития, ставящей акцент на социальные приоритеты в общении младенца с матерью, Джоном Баулби). Понаблюдайте, как будет действовать ваш полуторагодовалый племянник, если вы подарили ему большой игрушечный автомобиль: время от времени он оглядывается на

вас или на мать, иногда подходит ко взрослому, чтобы тут же вернуться к игрушке.

Механизмы, управляющие поведением детеныша примата и человеческого детеныша, схожи в своей основе. Исследователи, изучавшие социальное и интеллектуальное становление человека, пришли к выводу, что в психосоциальном развитии ребенка имеются факторы, более значимые, нежели непосредственное «обучение». Более того, «обучение» на определенных стадиях развития, особенно в раннем возрасте, скорее задерживает эмоциональное и интеллектуальное созревание, нежели способствует ему. Десмонд Моррис¹¹ считал даже, что «воспитывать» младенца, заниматься его «образованием» – значит мешать его развитию.

Ни обезьяны, ни человеческие детеныши, выращенные вне близкого эмоционального контакта с матерью, не усваивают биологически и социально предписанных им норм поведения.

Фактор, необходимый для обеспечения нормального развития и детеныша обезьяны, и ребенка не имеет, как оказалось в ходе исследований, ничего общего с «образованием». Это – нечто более глубокое, нежели даже описанный нами телесный контакт с матерью. Ученые назвали этот фактор «ранней эмоциональной связью».

Ранний эмоциональный контакт ребенка с матерью или замещающим ее лицом имеет решающее значение для развития мозга, для слаженного функционирования всей «нейробиологической системы». От него зависит общее развитие, но особенно – интеллектуальное. Исследование новой ситуации, изучение новой игрушки – что это, как не основа для поэтапного формирования мыслительного процесса? И у ребенка, и у маленькой обезьяны этот процесс может происходить беспрепятственно только при наличии чувства безопасности, надежности, доверия, создаваемого таким контактом.

Как складывается и развивается ранний эмоциональный контакт ребенка с матерью, сначала на стадии «ранней эмоциональной связи», потом на стадии «привязанности»? Исследованием этого вопроса занимались Джон Баулби в Великобритании и Мери Эйнсуорт в США. Сегодня над этой проблемой работает несколько международных исследовательских групп; в Германии, среди прочих, ею занимаются Клаус и Карин Гроссман (университет города Регенсбург).

Эти ученые продемонстрировали, что с самого момента рождения ребенок уже обладает способностью вступать в эмоциональное взаимодействие со взрослым и даже требовать такого взаимодействия. Независимо от того, кто осуществляет уход за младенцем, и от качеств этого лица, младенец привязывается к нему и начинает любить его. Обычно таким лицом является мать. Часто в более позднем возрасте ребенок

¹¹ Десмонд Моррис - автор нашумевшей в свое время книги “The Naked Ape” (“Голая обезьяна”), посвященной анализу биологических предпосылок психосоциального развития и поведения человека). Прим. перев.

демонстрирует эмоциональную привязанность к одному–двум другим членам семьи.

Если вдуматься, это может вызвать удивление, даже ужас. Независимо от того, хороший или дурной человек заботится о ребенке и заботится ли он о ребенке вообще, младенец его полюбит и привяжется к нему. Но как же может быть иначе? С первых минут жизни ребенок нуждается в другом, без другого он погибнет. У младенца нет возможности ждать и выбирать. Он любит того, кто ближе.

Очевидно, что этот удивительный феномен – биологического, а не культурного порядка. И детеныши животного привязываются к тому, кто о них заботится. Иногда самым удивительным образом – это продемонстрировал Конрад Лоренц в опытах с гусями: первое, что видел гусенок, проклюнувшийся из яйца, были резиновые сапоги ученого, и он начинал следовать за Лоренцом, вернее, за его сапогами, куда бы ни шел их владелец, как если бы они были гусыней. Вряд ли гусенок «выбрал» сапоги за какие-либо положительные, полезные для него свойства. Подобная парадоксальная привязанность, импринтинг, свойственна детенышам многих видов.

Эмоциональная привязанность к определенному лицу есть, стало быть, биологически оправданный вид поведения. Биологически оправданы и сигналы, которые подает ребенок: крик и плач, стремление держаться за взрослого, следование за взрослым и протесты, когда ребенка оставляют одного. Маленькие дети демонстрируют подобные «признаки привязанности» без вариаций во всех культурах.

Тем не менее, та биологическая программа, которая обеспечивает физическое выживание детеныша высших приматов и человека на ранних стадиях существования, вовсе не достаточна для дальнейшего развития.

Чтобы понять это, мы должны напомнить себе, что все генетически заданные функции, буквально все до единой, нуждаются в определенных условиях, чтобы сформироваться и развернуться по полной программе. Глазу, чтобы видеть, нужен свет. Легким, чтобы расправиться и обеспечить телу дыхание, нужен воздух. Без начальной способности выпрямлять и сгибать ноги не разовьется ходьба, любое движение требует приложения последовательных усилий. Без эмоционального ответа со стороны матери ребенок не разовьет чувств, или чувства его разовьются неправильным образом.

Так же и с привязанностью. Ребенок может привязаться к «хорошему» человеку, а может привязаться и к «плохому». Но, чтобы его способность к привязанности развернулась согласно замыслу, во всем богатстве, заложенном природой, его первоначальная привязанность должна обладать определенными исходными свойствами. У ребенка должны развиваться социальные навыки, специфичные для его вида. Среди прочего – чувства, речь, мышление, основные этические представления.

Наличие необходимых условий в развитии ребенка обеспечивают качества личности матери (или заменяющего ее лица) – ее эмоциональная

отзывчивость и надежность. Именно эти два материнских качества играют решающую роль в развитии младенца. Не только, как можно было бы сразу предположить, в развитии его чувств, но и в способности исследовать окружающий мир, быть открытым и доверчивым, обретать уверенность в себе и независимость в более зрелом возрасте. Эти свойства – открытость, доверие к себе и другим, любопытство и любознательность – являются необходимым условием развития мышления, способности перенимать групповой опыт и принимать независимые, самостоятельные решения. Однако развиться эти свойства могут только при условии формирования близких, дающих ощущение безопасности эмоциональных отношений в самом начале жизни. Это подтверждают многочисленные лонгитюдные исследования, дающие возможность наблюдать развитие отдельного ребенка на протяжении многих лет.

Сказанное, разумеется, не означает, что родителям следует уделять мало внимания воспитанию и обучению ребенка. Но и воспитание, и обучение будут тем успешнее, чем более прочные, безопасные эмоциональные отношения установлены с ребенком в раннем младенчестве. И здесь у всех имеются равные возможности. Чтобы достичь эмоционального контакта с младенцем, родителям не нужно специального образования. Если они вполне здоровы физически и умственно, интуиция подскажет им, как правильно действовать, в каком направлении двигаться, чтобы дать ребенку необходимое чувство покоя и безопасности.

Внутренняя работающая модель

Результатом установления достаточно хороших эмоциональных отношений с младенцем становится формирование у него «внутренней работающей модели», как назвал это Джон Баулби. Карин Гроссман предложила другой термин – «модель ожидания» или «представление об ожидаемом» – для обозначения того специфического внутреннего знания, которое при благоприятных обстоятельствах появляется у ребенка.

Почему именно «ожидание»?

Попробуем мысленно перенестись в другой мир, где люди живут в условиях, максимально приближенных к естественным, практически не тронутых западной цивилизацией. Карин и Клаус Гроссман, в составе группы антропологов, совершили путешествие в такой мир – маленькую деревушку на островах Тробриан, в северо-восточной части Папуа – Новой Гвинеи. В этом «естественном» сообществе, практически не тронутом негативным воздействием цивилизации, антропологи собирались пронаблюдать три вещи: как формируются отношения между родителями и младенцем; какие условия необходимы для установления оптимального эмоционального контакта ребенка со взрослым, и каким образом различные характеристики такого контакта влияют на дальнейшее развитие ребенка.

Согласно их наблюдениям, все взрослые жители деревни несли равную ответственность за всех маленьких детей и, стоило кому-нибудь из младенцев заплакать, любой находившийся рядом взрослый брал его на

руки, утешал и занимал. Помимо того, что мать ребенка находилась практически неотступно при нем, старшие братья и сестры и взрослые соседи были постоянно в его распоряжении. В любой момент мать могла оторваться от работы, чтобы дать ребенку грудь. Любой ребенок мог находиться на руках у взрослого столько, сколько ему хотелось. Все жители деревни активно поощряли любую попытку ребенка установить контакт со взрослым, и никто ему не отказывал в таком контакте.

Не нужно быть психологом, чтобы понять: с раннего детства у детей, растущих в подобном окружении, развивается чувство безопасности. Тем не менее, предрассудки, изобилующие в нашей культуре и педагогической науке, заставляют нас думать, будто воспитанный таким образом ребенок становится зависимым и избалованным, что его требовательность по отношению к матери будет только возрастать, и что со временем он превратится в жестокого маленького тирана. На деле это не так. Как продемонстрировало цитируемое нами исследование, дети в такой среде вырастают дружелюбными и отзывчивыми, у них рано формируется склонность к самостоятельности и независимости.

В отличие от нашего общества, которое много запрещает детям и запугивает их, там любой взрослый приходил на помощь малышу, желавшему удовлетворить свою любознательность. В результате ребенок довольно рано переставал нуждаться в родительском надзоре. Согласно Маргарет Шлейдт, антропологу, изучавшей отношения матери и ребенка на островах Тробриан, ранняя сепарация становится возможной именно благодаря тому, что первоначальная связь с матерью переживается как сильная и надежная. «Такой вывод, - писала Шлейдт, - можно сделать как в отношении индивидуальных случаев, т.е. отдельных детей, так и при сравнении различных культур». Мы поступаем наоборот: ведем себя сурово и требовательно с младенцами и детьми младшего возраста, ожидаем от них ранней самостоятельности, одновременно испытывая повышенную тревогу и одергивая их на каждом шагу. Затем, в подростковом возрасте, даем ребенку полную свободу. И то, и другое приводит к негативным последствиям.

Дети на островах Тробриан в первые недели и месяцы жизни формируют положительное ожидание и доверие в отношении других, поэтому они проявляют смелость и любознательность, раннюю самостоятельность и способность позаботиться о себе. Их умственное развитие и желание учиться не подвергаются постоянному сдерживанию, как это происходит в нашем обществе, одержимом правилами и запретами и одновременно вынуждающем ребенка проводить большую часть дня без сочувственного нежного внимания и поощрительной поддержки взрослого.

Напротив, любое выказанное ребенком желание тотчас находит положительное подкрепление со стороны взрослого. В результате, даже маленькому ребенку доступен гораздо более широкий спектр занятий, чем его сверстнику в нашем обществе. Туземцы не считают, что малыша нужно изолировать от опыта: им позволяют делать все, что они хотят, а если

возникает опасность, что ребенок причинит себе вред, находящийся рядом взрослый устранил ее без гнева и суеты. Ребенка не ругают, а скорее отвлекают от опасного занятия. Такая тактика приносит хорошие плоды: наблюдая взрослых в игре и работе и играя сам, ребенок рано осваивает даже сложные манипуляции, например, научается владеть ножом и разжигать и поддерживать огонь. В нем развивается реалистическое представление о своих силах и возможностях.

Предсказуемость и ее роль в развитии ребенка

Изучая повседневное поведение туземцев и способы общения родителей с детьми, исследователи обнаружили, что в развитии эмоциональной привязанности важнейшую роль играет предсказуемость реакций родителей. С первых минут жизни младенец старается научиться определять, на что и как реагирует его мать. Как она отзовется на крик? Прибежит? Возьмет на руки? Станет играть с ним? Может ли он рассчитывать, что она его утешит, если он ушибся или поранился? Как она отнесется к нему, если он долго был один и испугался?

Предсказуемость поведения матери способствует созданию у ребенка внутреннего спокойствия и уравновешенности, построению комфортного представления о внешнем мире. Эмоциональная жизнь младенца получает в ней прочную опору. Внутренние ожидания относительно других детей и взрослых будут у такого ребенка положительными, его общению с другим будет свойственно дружелюбие.

Но может случиться и по-другому. Может быть, мать не спешит на его крик. Она не умеет его утешить, когда ему печально или больно. Вернувшись после долгого отсутствия, она не берет его на руки. Того хуже, она может оттолкнуть его. А бывает, что мать ведет себя в разные дни по-разному: то приголубит, то холодно отвергнет.

В такой ситуации ребенок, ища помощи и опоры, как бы проваливается в пустоту. Он не может объяснить себе поведение взрослых. Постоянства нет, безопасности нет. Научишься ли таким образом сотрудничеству и доброжелательности? Сумеешь ли впоследствии постоять за себя, защитить свою точку зрения в споре? Вряд ли. Вырастая в подобной эмоциональной среде, ребенок рано утрачивает способность проявлять инициативу. Он начинает скрывать свои чувства, не находит способа выразить себя. Он не проявляет интереса к тому, как устроен мир, для чего придумана та или иная вещь, что чувствует другой человек. Последствия такого развития можно только предполагать. Но одно можно знать заранее: такой ребенок находится в опасности. У него нет того, что Джон Баулби называл «базой безопасности». Эксперименты Гарри Харлоу пролили, как выяснилось, свет и на формирование эмоциональных связей у человеческого детеныша.

В ранней эмоциональной связи между матерью и младенцем главное значение имеют три фактора: восприимчивость, предсказуемость и надежность.

Все сказанное выше заставляет думать, что мы не так уж сильно отличаемся от жителей остров Тробриан, по крайней мере в некоторых отношениях: наши детеныши тоже обладают заложенной в них «базовой программой» установления близкого эмоционального контакта с матерью. Ясно также, что в нашем обществе следует прилагать дополнительные усилия, чтобы важные свойства этой «программы» могли сработать. Слишком многое из того, что мы делаем как воспитатели, является грубым вмешательством в развитие привязанности, формирование эмоциональной близости у ребенка и взрослого. Следствием этого может явиться нарушение или даже подавление языкового и умственного развития в младенчестве и раннем детстве. Дитя нуждается в определенном количестве внимания и ласки; мать нуждается в социальной среде, где могут развернуться ее способности обеспечить нужды ребенка, достичь собственного эмоционального удовлетворения от контакта с потомством, реализовать себя.

Чувство безопасности не приводит к «испорченности»

Хорошим примером того, как можно создать ощущение безопасности у ребенка, но при этом не «испортить» его, является уже обсуждавшаяся нами модель: ребенок, обладающий чувством безопасности, с готовностью и удовольствием покидает мать, чтобы исследовать новых людей, игрушки, ситуации.

Гроссманы показали в своей работе, что эмоциональная привязанность и склонность к исследовательскому поведению тесно связаны между собой: если ребенок чувствует себя не совсем хорошо - например, голоден, устал, болен или напуган - он немедленно принимает меры, призванные обеспечить ему внимание и заботу: кричит, зовет, цепляется за мать, ходит за ней следом. В состоянии неблагополучия ребенок не желает ничего исследовать. Однако если он в порядке, и его потребности во внимании и заботе удовлетворены, например, мать или другой взрослый находится неподалеку и с готовностью предоставляет себя в его распоряжение, ребенок проявляет любопытство к окружающему и начинает исследовать все вокруг.

Эти два паттерна обладают свойством взаимной дополнительности и взаимно исключают друг друга. Чем меньше проявляется один, тем сильнее выражен другой. Если ребенок болен или напуган, он станет кричать и звать мать. В этом случае все его внимание и силы будут отданы поиску контакта с матерью и негативным переживаниям, на исследовательское поведение не останется сил и времени. И наоборот. Если ребенок чувствует себя хорошо, снижается потребность во внимании, он чувствует себя в безопасности, высвобождаются пространство и энергия, необходимые для активного поведения.

В заключение хочется повторить: не следует думать, будто близкий эмоциональный контакт с матерью или замещающим ее лицом, доступность взрослого и его отзывчивость могут «испортить» ребенка. Чем раньше, чем

более резко мы выталкиваем ребенка в «независимость» и эмоциональное одиночество, тем сильнее будет у него чувство незащитности, тем более зависимым он впоследствии окажется. И напротив, чем более надежны эмоциональные связи младенца с осуществляющим заботу лицом, чем с большей готовностью удовлетворяют его желания, чем вернее распознают его переживания, тем быстрее и успешнее формируется его автономия. А это, в свою очередь, является необходимым условием полноценного и всестороннего развития его мышления и сознания.

Инга Фучек.

Перевод *Кигаи Н.И.*

Раненная душа: глубинный анализ эмоциональных травм детства

Я буду говорить о насилии, направленном против детей. О раненой душе. О воздействии травм, полученных в детстве. Я хотела бы начать со слов Эрика Эриксона, представителя психоаналитической школы. Он сказал: «Возможно, придет день, когда мы убедимся, что самое большое преступление – это искалеченная детская душа».

Как говорила Улла, в XIX веке с ростом индустриализации пришло понимание, что детство – одновременно хрупкий и важный период жизни. Люди начали отдавать себе отчет в том, что дети нуждаются в особой защите, особенно уязвимы и зависимы от взрослых. Однако только в последние годы наука и публицистика стали думать и говорить об особых последствиях, травм, полученных в детстве. Это травмы, которые возникают в результате расставаний и потерь, перенесенных в раннем возрасте, а также травмы в результате насилия, особенно сексуального насилия.

В 1950-е годы научные исследования продемонстрировали, как важно установление тесных эмоциональных уз между ребенком и матерью в раннем возрасте для развития нормальной личности. В то же время было показано, какой огромный ущерб наносит насилие и насильственные действия против детей, особенно сексуальное насилие. Изучение послестрессовых состояний много рассказало нам о том, каким образом стресс, полученный в детстве, может влиять на самочувствие и дальнейшее поведение человека.

Я хотела бы сравнить человека с деревом. Дерево не может выбрать место, где ему расти. Дерево вырастает по-разному, в зависимости от того, на какой почве оно укоренилось, мягкая это почва или скалистая. Мы также не выбираем, где нам родиться. Вокруг нас, к моменту нашего появления на свет, уже сложилась определенная среда, и она в конечном счете определит, каким образом сформируются наши отношения с людьми, наше представление о мире. Ребенок в младенчестве и раннем детстве целиком ориентирован на построение отношений со взрослым, и его семья,

взрослый, с которым он взаимодействует, составляет его среду обитания. У него не только нет выбора - в раннем детстве он не знает о существовании других взрослых, других отношений. Будет ли ребенок развиваться нормально или «зажато» зависит от того, насколько семья предоставляет ему все, что нужно для счастья.

Кроме того, отношения в семье и стиль общения взрослого с ребенком определит его отношение к страху. Ибо страх – это одна из основных эмоциональных «стихий», он играет огромную роль в существовании всякого человека. Любой из нас в то или иное время испытывает страх, переживает чувство незащитности, беспомощности, бессилия. Пережитый в детстве, подобный опыт оставляет глубокий след. Хорошая семья должна дать ребенку чувство защищенности. Но не только безопасность важна для нормального развития. Чувство принадлежности к семье должно уравниваться опытом самостоятельности и личной автономии, наличием «своего места» в семье, на которое не посягают другие.

Опыт отношений в семье - первом месте социализации ребенка - воздействует на формирование его интеллекта и поведения. Особенности интеллекта и поведения, в свою очередь, определяют отношение человека к жизни, работе, другим людям - таким образом в дальнейшем эти особенности определяют и тот жизненный опыт, который приобретет человек, и его отношение к полученному опыту. Можно сказать иначе: это во многом определит его судьбу.

Поведение родителей имеет далеко идущие последствия для ребенка. Важно, как протекает взаимодействие родителей с ребенком и между собой. Каковы особенности этого взаимодействия? Что превалирует в семье - нежность, взаимное доверие или жесткий контроль и дисциплина? Любой нюанс оказывает влияние на ребенка, приводит к формированию той или иной особенности будущего взрослого. К сожалению, взрослые далеко не всегда создают в семье атмосферу взаимной поддержки, доверия, любви. Часто родители настолько поглощены своими проблемами, что реагируют экстремально или неправильно на ситуацию, возникающую в семье, на поведение или настроение ребенка. Нервная, резкая или грубая реакция нарушает баланс в тонком семейном организме и приводит к тому, что естественные жизненные кризисы оказывают дестабилизирующее воздействие на формирование личности. Иногда родители сами получают в детстве опыт дурного обращения или соблазнения, тогда им заведомо трудно осознать проблемы, возникающие в обращении с собственным ребенком, наладить с ним достаточно хороший, надежный эмоциональный контакт.

В 1996 году в Германии было зарегистрировано 25 тысяч случаев нанесения тяжелых телесных повреждений детям. Это только официальная статистика. Педиатры считают, что в действительности число подобных инцидентов гораздо выше. Обычно официальная статистика регистрирует только самые экстремальные случаи насилия, попавшие в судебное производство. Но до суда доходит небольшой процент подобных случаев.

Сегодня помимо физического и сексуального насилия выделяют также эмоциональное насилие. Эта категория также включена в понятие «насилие против детей». Многие виды принятых в обычных семьях наказаний могут быть в принципе квалифицированы как один из видов насилия. Разумеется, дети разного возраста и психического склада по-разному реагируют на различные виды наказаний, однако в современной педагогической и психологической науке все чаще звучит вопрос: нужны ли наказания как таковые? Какую цель - декларируемую и скрытую - они преследуют? Чего можно достичь при помощи наказания?

Физическое и эмоциональное насилие по отношению к детям гораздо чаще встречается в дисфункциональных семьях, которые не получают необходимой социальной поддержки. Кроме того, очень молодые матери и молодые родители с определенными формами личностной патологии проявляют насилие в отношении ребенка с большей частотой. Сильный стресс, физический или психологический, ставит под угрозу развитие ребенка. Он может привести к серьезным психическим заболеваниям. Если ребенок постоянно находится в условиях экстремального насилия, можно говорить об огромном риске.

Существует особая дисциплина - психотравматология. Она занимается последствиями психической травматизации с точки зрения развития психических и психосоматических заболеваний и нарушений поведения. Обычно психологические последствия войн, перенесенных пыток, природных катастроф и несчастных случаев, свидетелем которых стал человек, квалифицируются как психическая травма. Сегодня сюда же включают применение насилия против детей. Конечно, в жизни каждого человека случаются эмоционально стрессовые ситуации - как правило, они связаны с жизненными кризисами. Например, когда человек теряет партнера, родителей, остается без работы, переживает тяжелое страдание. Эмоциональные последствия таких событий часто принимают вид адаптационных нарушений; иногда они преодолеваются, человек смиряется с утратой. Однако чаще травмы приводят к тому, что сама способность адаптации нарушается. Способность контролировать свою жизнь в угрожающей ситуации становится проблематичной, человек оказывается беззащитным и беспомощным. Переживаемый шок имеет в таком случае длительный характер, человек по-другому смотрит на мир, по-другому относится к миру.

Психическая травма возникает, когда организм сталкивается с превосходящим его способностью адаптации стимулом, не в состоянии регулировать этот стимул. Закон, общество не могут вмешаться, не гарантируют защиту или помощь. Травма приводит к сильным стрессовым нарушениям длительного характера. Подобного рода травмы наблюдали у ветеранов Вьетнамской войны. Посттравматическое стрессовое расстройство признано сегодня серьезным заболеванием. Исследование связи между травматизацией и регуляторными нарушениями, их последствий для эмоций и поведения свидетельствуют о возникновении так

называемого комплексного посттравматического нарушения. Комплексное нарушение предполагает потерю эмоционального контроля, трансформацию сознания, искажение восприятия людей, появление проблем в межличностном взаимодействии, изменение системы ценностей и соматизацию.

В данных исследованиях было, в частности, отмечено, что у людей, сталкивавшихся с межличностными травмами в раннем детстве, также развиваются аналогичные симптомы. Исследование показало, что длительное последствие насилия, пережитого в детстве, исключительно остро, велико и затрагивает целиком развитие личности ребенка. Трагический парадокс заключается в том, что травматизация происходит в среде, которая должна обеспечить ребенку чувство защищенности. Ребенок не может научиться различать дружелюбие и агрессию, если те, от кого он ждет дружелюбного отношения, становятся агрессорами.

Попытки ребенка адаптироваться к парадоксальной, психически дестабилизирующей ситуации требуют от него колоссального эмоционального усилия. Но даже предпринятое усилие не гарантирует ребенку формирования стабильной, внятной, «надежной» картины мира. Эмоциональная дезориентация, являющаяся следствием травмы, приводит к «деформации» познавательной деятельности. Она подрывает доверие ребенка к самому себе, к своей способности воспринять, понять и познать окружающее адекватным образом.

Не все жизненные драмы, не всякий несчастный случай обязательно нарушают развитие ребенка. Шок может оставаться в памяти, но не оказывать влияния на эмоциональное созревание и познавательную деятельность, особенно если рядом с ребенком в момент переживания находился взрослый, способный оказать ему эмоциональную поддержку. Однако постоянное применение силы, постоянное насилие и жестокость оставляют неизгладимый след, потому что к такой травме адаптироваться практически невозможно. Усилия, направленные на то, чтобы преодолеть последствия стресса физически и психически, оказываются не под силу маленькому человеку.

Опыт моих пациентов свидетельствует: жестокость родителей не сравнима ни с каким другим переживанием. Например, мальчика бьет отец за какие-то небольшие прегрешения, да так, что он теряет зубы, и в то же время отец говорит ребенку, что он его любит. Какого рода отношение к миру, какое понимание возникает в подобном случае у ребенка? Или девочка, которую мать бьет по крайней мере раз в месяц так, что сама вынуждена вести ее потом в больницу - у ребенка оказываются переломы, ожоги и т.д. Опять-таки мать говорит, что любит девочку, что «делает все для блага» ребенка. Такие дети живут в условиях огромного напряжения, огромного стресса, последствия которого трудно переоценить.

С точки зрения ребенка, растущего в подобной атмосфере, каждый взрослый представляет потенциальную угрозу. Ребенок нуждается в безопасности, и чтобы защитить себя, он вырабатывает особую стратегию

поведения. К сожалению, с точки зрения дальнейшей жизни ценность такой стратегии невелика: она ограничивает возможности развития и общения растущего человека.

Экспериментальные и клинические исследования показывают, что хронический опыт стресса, ассоциированного с травмой, влияет на весь организм человека, в первую очередь на мозг. Тень этого влияния падает на процесс мышления, на процесс чувствования, на выработку стратегий поведения. В первые четыре года мозг ребенка достигает двух третей своего конечного объема, и сложность самого процесса развития мозга исключительно велика. Усвоение знаний и навыков, эмоциональное формирование в первые четыре года жизни идут быстро. Стресс может привести к физиологическому и даже анатомическому ущербу определенных мозговых центров.

Стресс, перенесенный в раннем возрасте, часто становится причиной возникновения депрессивных расстройств. Ощущение пережитого в раннем детстве страха сохраняется на всю жизнь. Этот ранний опыт может отчасти быть компенсирован, однако следы его остаются на всю жизнь. Способность адаптироваться к переменам в жизненных условиях - исключительно важная способность человека. Человек адаптируется к изменениям, которые происходят в мире. Такая адаптация, как правило, не приводит к каким-то нарушениям в самоорганизации человека. Наоборот, человек меняется и развивается. В норме стресс – это чрезвычайная реакция мобилизации с целью овладеть угрожающей ситуацией. Стрессовые реакции (на гормональном, энергетическом, поведенческом уровне) важны для выживания любого биологического вида. Но если экстренные, чрезвычайные реакции становятся постоянным состоянием, то организм страдает.

На протяжении всей жизни человек ищет наиболее оптимальные формы адаптации. Вырабатываются определенные, правильные пути адаптации. Когда они перестают быть полезными, им на смену приходят новые формы адаптации. При этом спусковым механизмом всегда является страх, который свидетельствует о том, что ситуация стала угрожающей. Например, когда мы готовимся к экзамену, мы испытываем возбуждение: дрожание рук, потливость, чувство незащищенности и бессилия. Это вызов нам, это вызов нашему мозгу, но в нормальных обстоятельствах мы находим способ справиться с ситуацией. И, если мы успешно ее решаем, то видим, что такая стратегия помогает нам контролировать ситуацию, мы испытываем облегчение, и наше уважение к себе, чувство собственного достоинства растет, подтверждая нашу способность справляться с жизнью.

Когда задача становится невыполнимой, когда ситуация становится слишком угрожающей, когда мы не способны адаптироваться, мы испытываем ужас. Мы продолжаем искать какие-то решения, но бремя оказывается чрезмерным, энергия, которую мы тратим, нам не по силам, мы теряем доверие к себе и к своим способностям. Именно это происходит с детьми, когда они сталкиваются с жестокостью и насилием. Нагрузка -

интеллектуальная и эмоциональная - оказывается им не по силам. Например, младенец демонстрирует стрессовую реакцию, когда его фундаментальные потребности не удовлетворяют. Человек вырабатывает определенные реакции в ответ на неудовлетворение его основных потребностей. Это всегда происходит во взаимодействии с другими людьми. Нарушение психосоциальных отношений чаще всего является спусковым крючком для стресса.

Угроза, давление не обязательно должны быть реальными, они могут быть предполагаемыми, и все же вызвать стрессовую реакцию. Мозг фиксирует все «ключевые» моменты и переживания, как негативные, так и позитивные. Например, если человек с младенчества хорошо адаптируется к новым ситуациям, у него возникает ощущение компетентности, способности справляться с проблемами. Если ребенок наблюдал достаточно хорошо адаптированного взрослого и перенял у него ролевую модель, позволяющую справляться с ситуацией риска, стрессовые ситуации фиксируются в сознании как поддающиеся контролю. Чем чаще мы имеем позитивный опыт контроля над собой и над ситуацией, тем больше ощущение уверенности в себе, тем лучше оно укоренится в нашем сознании, и в ситуациях риска, ситуациях давления мы станем вести себя адекватно, адаптивно. Человек, имеющий положительный опыт адаптации, испытывает меньше страха и тревоги, больше уважения к себе и к другим. Стратегия адаптации к стрессовой ситуации зависит от раннего опыта человека.

Ранние опыты формируют систему ожиданий относительно других людей, будущего. У каждого из нас имеется бессознательное представление о том, что может и что не может с нами произойти. Всякий раз, когда подобные представления не оправдываются, возникает либо контролируемая, либо неконтролируемая стрессовая реакция. Содержание, характер и стиль наших реакций зависит от некоего «компас» в нашем сознании, который отвечает за способность обучения и запоминания. Именно он в наибольшей степени подвергается стрессу и шоку, когда внутренние ожидания не подтверждаются.

Функции испытывают на себе большого влияния стресса, они усиливаются. Может быть, что человек забывает травматические опыты. Но он помнит свои эмоциональные реакции. Бессознательный посыл страха постоянно выжигаются в мозгу и остаются там навечно. Наш мозг формулируется опытом, опытом насилия. Травмирующий опыт, например истязание ребенка, навсегда остается в мозгу. Это говорит о том, как думает человек и как он себя ведет. Эмпирические открытия в психологии устанавливают, что дети, которых избивали в детстве, проявляют дефицит во всех областях развития. Они и более нервные, более агрессивные. И проявляют это во взаимоотношениях с другими детьми. Дети из неблагополучных семей обычно подходят к незнакомым людям на расстоянии или с недоверием. У них гипертрофированная деятельность, они с трудом просят других помочь. Дети, которых бросали или же оскорбляли,

более пассивны, они не имеют контролировать свои импульсы, они показывают больше негативных реакций в социальном взаимодействии. Необходимо стабилизировать связь между матерью и ребенком, причем в самом раннем возрасте, наука уже доказала это, если эта связь слаба, у ребенка проявляется агрессивность. Только 5% детей, которые подвергались насилию, сохранили эту связь с матерью, остальные или же равнодушны к матери или же ведут себя амбивалентно. Это была та группа детей, которых легче всего травмировать. Мальчики, которых в детстве травмировали, склонны к дезорганизованному поведению, в особенности, если это мальчики из семьи, где нет отца. Они плохо адаптируются, что является выражением травмы и выражением отсутствия стабильных добрых отношений с родителями. Примерно 50% населения страдает от дезорганизованных связей, если же мы возьмем людей, которые в детстве подвергались насилию, то эта цифра будет гораздо выше. Что касается равнодушия, то она прослеживается в ряде случаев в течение нескольких поколений, и у родителей, которые проявляли насилие в отношении своих детей, был в детстве аналогичный опыт, очевидно, это закрепилось в памяти, и они боятся насилия в отношении себя и вымещают все на ребенке. В структуре организма запрятано очень многое. Одна треть родителей, которых подвергали насилию в детстве, сам подвергают ему своих детей. И риск насилию в неблагополучных жизненных условиях, хотя есть люди и весьма неблагополучные, которые никогда не используют насилия. Допустим, насилие проявляется как реакция на стресс. Матери часто склонны к насилию, когда у них плачет маленький ребенок, причем, здесь есть парадокс: их точно также раздражает громко смеющийся ребенок. Эти матери путают негативные и позитивные эмоции. Они всегда говорят о своем ребенке плохо для того, чтобы усугубить масштаб проблемы. И когда родители чего-то просят от ребенка, а ребенок не сразу слушается, такие матери моментально приписывают это злонамеренности ребенка или же вообще его глупости и неспособности понять родителей. Родители, которые бьют детей, часто оказываются беспомощны во взаимодействии с ребенком, они не понимают, как тяжело страдает их ребенок. Например, это может привести к нарушению сна или же ребенок перестанет есть, они не понимают, насколько глубоко укореняется такое негативное воздействие на ребенка. Треть детей, которые подвергаются насилию, сами не становятся насильниками во взрослой жизни. Родители не обязательно передают это насилие, если у них оказывается более благополучная жизнь или они живут в меньшей изоляции. Применение насилия в детстве можно излечить соответствующим эмоциональным соучастием. Ребенку нужен, по крайней мере, один человек, который поймет его, с которым можно поделиться своими трудностями и проблемами. Наступает такой момент в жизни, когда такому ребенку требуется психотерапия, и большей частью они стремятся к хорошим отношениям со своими партнерами. Они проходят курс психотерапии. Поэтому психотерапия – это основной фактор для того, чтобы успешно

разорвать эту цепь насилия. Психотерапия помогает родителям, которые были жертвами насилия, помогает им пожалеть об опыте отрицательного отношения к своим детям. Они учатся тому, что им необходимо. Им необходимо научиться поддерживать своих детей для того, чтобы строить свои отношения с детьми, успешно развивать эти отношения.

И в конце своего выступления мне хотелось бы рассказать об эксперименте, который проходил при опробовании нового лекарственного препарата против страха и стресса. Обезьяну посадили в клетку и стали пугать звуком. И, естественно, обезьяна очень испугалась, у нее начался стресс, поднялось давление. Вторую обезьянку поместили в другую клетку. Их стали пугать собакой. Одна обезьянка испугалась, вторая нет. Тогда вторую обезьяну из клетки убрали и опять стали пугать собакой. Оставшаяся в одиночестве обезьянка опять испугалась. Случайным образом было обнаружено средство против страха. Это друг. Иметь друга не означает все время быть вместе для того, чтобы не бояться. Человеку достаточно можно сказать два слова, человеку очень важно знать, что у него есть друг. Необязательно это человек, это может быть домашнее животное какое-то. Мы знаем, что друг - это тот, кто к нам хорошо относится, кто нас любит, кто нам поможет, кому мы всегда можем обратиться. Так человек сам учится вести себя как друг.